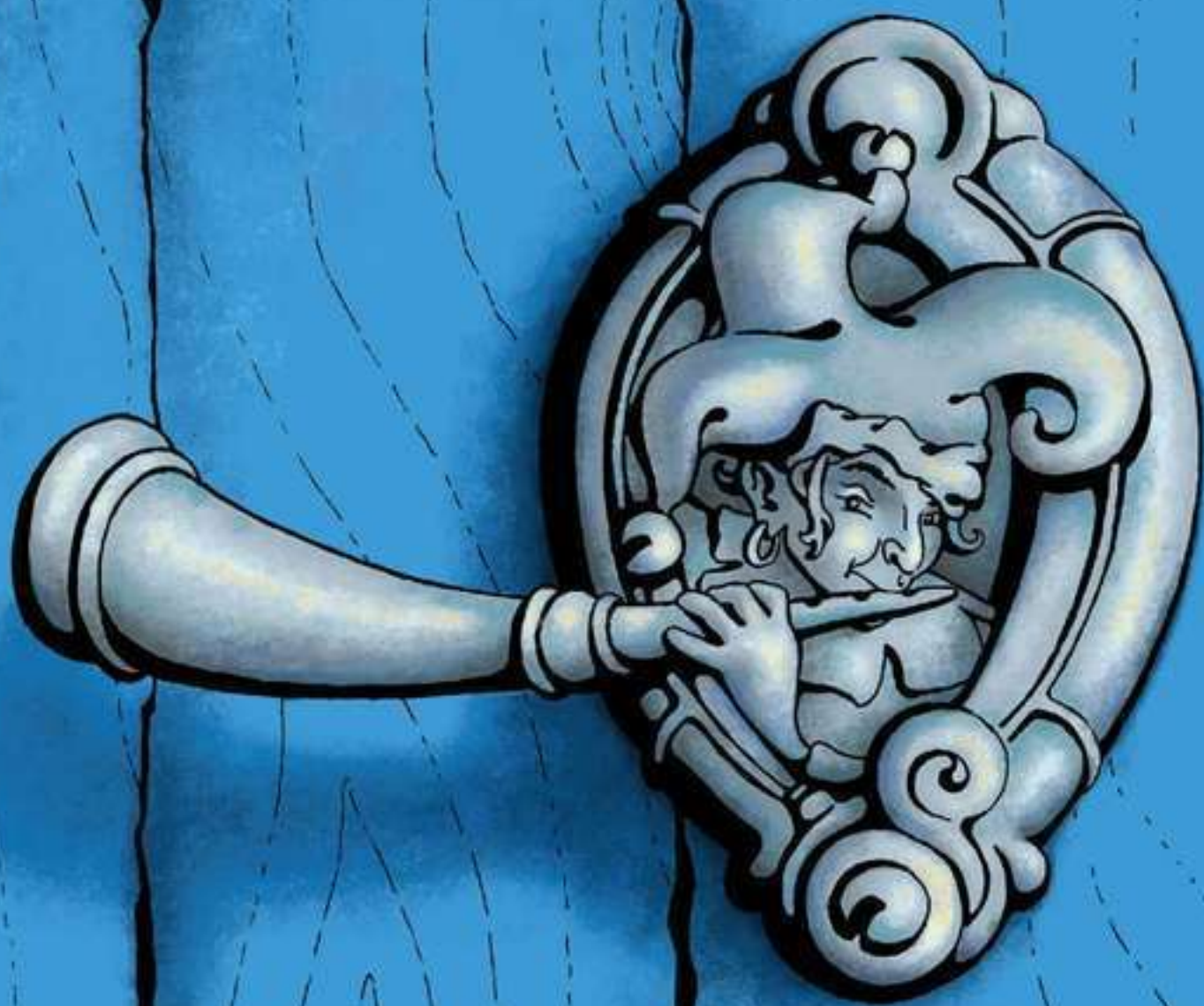

Ирма Трор · Саша Збарская

вас пригласили

роман с послесловием

Ирма Троп
Вас пригласили

«Издательские решения»

2014

Троп И.

Вас пригласили / И. Троп — «Издательские решения», 2014

Внутреннее устройство романа «Вас пригласили» – вроде матрёшки: любое миропонимание в нём объято другим, много более точным. Важно только помнить, что читатель не вертит эту метафизическую матрёшку в скучающих руках, а находится в самой её глубине на правах наименьшей из куколок с надеждой вылупиться из бесконечных скорлупок. Добро пожаловать, или Удачного перерождения!!! Александр Гаврилов, основатель Института книги

© Троп И., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	30
Глава 11	31
Глава 12	35
Глава 13	37
Глава 14	39
Глава 15	41
Глава 16	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирма Трор

Саша Збарская

Вас пригласили

Роман с послесловием

Всем герцогам, которых мне повезло – и еще посчастливится – встретить.

Всем моим медам и медарам – от сердца.

Эта повесть есть некоторая переработка моих дневниковых записей, сумбурных, полубморочных, не всегда связных и осмысленных для внешнего наблюдателя. Никакого складного текста изначально не существовало, он создан уже после того, как я покинула замок.

Часть I

Глава 1

Рид милосердный, вот это гроза!

Пару часов назад – или три? или сколько же? – я, кучер и две девчонки-служанки, благополучно проскочив навывлет где-то рядом с сердцем бури, едва уцелели в повозке, завалившейся на полном ходу. Для меня до сих пор загадка, что же так напугало смирных грузных лошадей – гром рокотал уже в отдалении, и молний меж дубовых крон было почти не видеть. Так или иначе, наши лошадки понесли по раскисшей осенней глине, и уже через несколько диких мгновений животные вырвались из упряжи, а покореженную повозку бросило боком на древесные стволы.

Какое-то время ничто не достигало моего слуха, а затем шорохи и шелесты вернулись: стало слышно скучный частый дождь и смутное бормотание леса, да еще стонал бедняга-возница – его порядком придавило; потом выяснилось, что голень сломана.

Очень скоро мы промокли насквозь, а до ближайших дружественных владений – имения герцога Колана – было никак не меньше пятнадцати миль. Служанки выбрались наружу и теперь жались друг к дружке, пытаясь согреться; Шон, возница полулежал неподвижно, боясь потревожить увечную ногу. У меня саднило колени, однако в рыдавшей вокруг тьме было невозможно разглядеть, насколько сильно я поранилась. Едва я попробовала приподняться, левую лодыжку скрутило ржавой болью. Охнув, я осела на землю.

Хуже напасти не придумать: ненастная ноябрьская ночь, безразличный исхлестанный дождем лес, две перепуганные девчонки, покалеченный возница, разбитая повозка. И никому, кроме меня, ни утешить нас, ни спасти. Надо что-то предпринять – но для этого потребуется сначала спокойно подумать, а потом – встать. Ни на то, ни на другое, по чести сказать, я не находила в себе сил.

Но Рид не дал нам предаваться унынию слишком долго – напротив, почти немедля вверг нас в страх и надежду: с дороги, приближаясь, долетел громкий смех, по мокрой грязи хлопотали копыта. Из-за деревьев показались двое всадников – ехали не слишком быстро, беседовали и, похоже, не обращали внимания на дождь. Один верховой глухо басил, у второго голос был почти мальчишеский, и оба говорили... на высоком деррийском наречии! Ушам своим не верю... Люди дерри?! Их всех извели лет двести назад! Не призраки же решили посетить

нас среди ненастья. Времени на размышления у меня не было. С трудом поднимаясь на ноги, я закричала что есть сил сквозь завесу дождя.

– Мне нужна ваша помощь! – На дерри, надо сказать, я изъясняюсь с ужасным акцентом и ошибками, но там было не до изысканности в речах.

Разговор на дороге тут же смолк, лошади встали, и один всадник сразу спешил. Его лица в бурную и безлунную темень я не могла разглядеть, но ростом он был с меня, коренастый, широченный в плечах. Нас разделяла дюжина локтей придорожной травы, ближе я пока не осмеливалась подобраться.

– Приветствую вас, фиона¹ – Человек сжалился и заговорил на моем родном фернском. – Право, удивительно видеть молодую даму в такое время, под дождем, в лесу! Уж не эльф ли вы? – Улыбку проглотила ночь, скрыв ее от взгляда, но не от слуха. Она согревала – даже незримая. Я прикрыла глаза, приняла в себя волну этого голоса – он сразу успокоил и обнадежил. Этого человека не стоило бояться.

– Нет, фион, я не эльф – к моему и, быть может, вашему разочарованию. У нас случилось досадное приключение... – Кратко я пересказала события последнего часа, по временам ойкая и шипя от боли: лодыжка взялась меня мучить совсем уж всерьез. Когда я договорила, несколько мгновений царила полная тишина, подернутая лишь шелестом дождя. Затем незнакомцы перебросились парой слов на деррийском, и тот, что оставался верхом, сказал просто:

– Фиона нола², будьте гостьей герцога Коннера.

Краткая, но отчаянная попытка вспомнить это имя в Королевских списках не внесла никакой ясности, но выбирать было не из чего. Спешившийся фион-крепьш, почти гном – таким он мне вдруг показался, весь изрисованный древесными тенями, – шагнул ко мне вплотную. Я невольно отшатнулась, сердце заколотилось. Была не была, я в их руках. Меж тем мой собеседник вдруг беззлобно ухмыльнулся и... решительно подхватив меня на руки, понес к дороге! Мои спутники тихонько возроптали, но смысл их слов тут же размок и истаял. Оставшийся в седле фион – тот, что с мальчишеским голосом, – ловко принял меня из рук своего товарища и помог устроиться в седле позади себя. Коням дали шпоры, и мы с места перешли на нетряскую рысь.

Как тут поспеешь со здравомыслием и рассудительностью? Все произошло так быстро... Совсем не сразу я сообразила спросить, что будет с моими служанками и кучером, и тут наездник повернул голову и ответил на вопрос, оставшийся нерожденным:

– Я доставлю вас в замок, фиона, а за прочими приедут после. Надобны люди и пара свежих лошадей, чтобы тащить вашу повозку.

Мне более ничего не хотелось знать. А мы тем временем покинули основную дорогу и углубились в лес по совершенно незаметной тропе. Дождь меж тем повзрослел до ливня.

Плохо помню, сколько мы ехали, но путь был неблизкий. Деревья зажимали нашу тропу в тиски, набрякшая от воды листва осыпала меня каскадами ледяных брызг. Везший меня фион сдерживал поступь коня, чтобы не доставлять мне страданий тряской, но лодыжку, тем не менее, дергало не переставая. Может, через четверть часа, а может, через час мне стало все равно. Я очень устала и продрогла. Я грезилась в призрачном тепле всадника передо мной, незнакомого человека, везшего меня сейчас неведомо куда, и я бы забылась без снов – но не свалиться бы на полном ходу.

Ворота замка мы проскочили не останавливаясь: нас пропустили, ничего не спросив. Мы пересекли пустынный двор и остановились у широких каменных ступеней перед высокими дверями, черненными временем. Мой спутник спешил и со всеми предосторожностями, как

¹ Фион, фиона (*ферн.*) – вежливое обращение до официального представления или формального знакомства. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Фиона нола (*ферн.*) – «пресветлая (знатная) дама», почтительное обращение к молодой женщине (обычно благородного происхождения).

фарфоровую куклу, спустил на землю меня. Прозвучало несколько фраз, нам открыли, и мы оказались в сумрачном двусветном зале. Два факела озаряли проход к лестнице и ответвляющиеся от него коридоры. Здесь-то я наконец смогла разглядеть своего спасителя. Он был совсем юн – моложе, чем я предполагала по голосу, – высок, крайне худощав, румян и темноок. С длинных, почти черных волос, заплетенных в тугие косы, капала вода.

– Позвольте, фиона, проводить вас в комнату. Отдохните, переоденьтесь в сухое. Герцог ждет вас в гостиной к горячему чаю и ужину. У вас пятьсот мгновений ока³. Но прежде позвольте мне прекратить ваши страдания. – Он неопределенно указал куда-то на подол моего платья.

Я бы, вероятно, порядком удивилась подобному педантичному гостеприимству и еще более – такому измельчанию времени, но мой – все еще безымянный – спутник, не дав опомниться, довел меня до нижней ступени лестницы и знаком предложил сесть. Я в онемении сделала, как велено. Он опустился на колени, взял мою ногу в ладони и слегка приподнял грязный и мокрый насквозь край юбки. Странно, однако мне все еще хватало сил смущаться:

– Фион... Простите... Я вся в грязи... А что вы собираетесь делать?

Сияющие глаза цвета старого янтаря удивленно воззрились на меня:

– Я хочу избавить вас от досадного подарка этой ночи – от хромоты. А грязь на вашем платье не имеет значения. Пожалуйста, *думайте* о своей обиженной ноге.

– Как? Что же прикажете... мне о ней?.. – Я путалась в словах от изумления.

Юноша уже закрыл глаза, лицо его разгладилось и прояснилось. Несколько мгновений спустя он, не глядя на меня, произнес:

– Думайте нежно.

Несколько моих – вдруг успокоившихся – вздохов спустя будто горячие острые иглы мягко погрузились, одна за одной, в ступню, в голень – выше, выше, одновременно и раскаляя, и холодя кожу. Я изо всех сил гнала от себя оторопь и пыталась «думать нежно» о своей лодыжке. То ли от морока сухого тепла, то ли от усталости, то ли от этого странного прикосновения меня почти затопило сном. Но мальчишеский голос скоро вернул меня к яви:

– Ну вот, кажется, все получилось. Вставайте, фиона!

Я осторожно поднялась, недоверчиво ступила на левую ногу – и не почувствовала никакой боли. Мой по-прежнему безымянный провожатый тем временем, не тратя времени на объяснения, повел меня вверх по лестнице и далее – полутемными коридорами, потом снова вверх... Мы оказались где-то в башне. Вдруг остановившись, юноша распахнул одну из бесчисленных совершенно одинаковых дверей и жестом пригласил меня войти. Я никогда сама не отыщу дорогу к этому коридору, не говоря уже о таинственной гостиной.

– За вами – теперь уже через триста мгновений ока – придут, фиона нола, и проводят к Герцогу. – Меня одарили новой уютной улыбкой. – А мое имя вам знать сейчас не обязательно. Герцог представит нас, если сочтет нужным.

Этих слов, как мой провожатый, видимо, решил, должно было хватить мне, дабы все сразу прояснилось и уладилось, и на этом откланялся и вышел. Дверь беззвучно затворилась за ним, и шаги медленно стихли в коридоре.

Голова моя работала до странности ясно. Уже давно должно было наступить послезавтра, столько всего успело произойти за эти бесконечные сумерки. Время заплелось в узлы, какие бывают только во сне. Я, наверное, сплю. От этой мысли все внезапно стало гораздо проще.

Я огляделась. Комната сочетала в себе келейную строгость – и сдержанную роскошь. Беленые стены сходились вверху четырехгранным сводом, по нему сновали блики от свечей в затейливом напольном подсвечнике. За тяжелыми темно-синими атласными драпировками угадывалось окно. На высоком помосте царило громадное ложе, накрытое атласом того же

³ Мгновение ока – приблизительно 4 секунды, средняя частота человеческого смаргивания.

полуночного тона. Два высоких табурета, полка с книгами, ночной столик, весь уставленный непрозрачными склянками и флаконами. Обстановка из снов людей, которые жили лет сто назад. На скамейке перед кроватью – чаша с водой, в ней горсть цветков лаванды. Напротив ложа – небольшой камин, и его, похоже, растопили задолго до моего появления. Нигде в этой «спальне» не видно было ни одного образа Рида, ни даже таблички с Вечной Печатью. Интересно, во всем замке найдется вообще хоть один верный? Ну да ладно, мое «Житие» всегда со мной. Я запустила руку в недра сумки, пахнувшей сырой кожей. Книга была на месте и почти не намочла.

Дремотная тишина этих стен, рыжеватый полусвет, моя усталость – все навевало отрешенный покой. Поплотнее прикрыв тяжелую дверь и придвинув к ней на всякий случай стул, я с ленивым наслаждением сбросила насквозь промокший плащ, стянула накидку, платье и нижний батист и даже попыталась сложить их так, чтобы не замарать грязью ковер. Воздух укутывал – блаженный, почти горячий, – и я, нагая, стояла, закрыв глаза, неподвижно, слушая хрипловатый шепот пламени в камине и рваную приглушенную дробь дождя за окном. Потом опустила на колени перед умывальной чашей, поднесла горсть благоуханной воды к лицу, вдохнула убаюкивающий аромат. Осторожно, чтобы не слишком лить на пол, отмыла грязь с разбитых колен, поплескала на тело. Перебрав флаконы на столике, нашла мазь – старинное знахарское снадобье от порезов и ушибов. Рид милосердный, какая забота... Но – время, время! Сколько там осталось от мгновений, что мне отмеряли?

На невысокой скамье у стены я заметила какие-то одежды и решила, что, видимо, в это мне предлагают облачиться. В полном замешательстве покрутив в руках бесформенное, как мне показалось сначала, одеяние, я скользнула в атласную тунику уже привычного сумеречного цвета – по росту мне, до самого пола, свободную настолько, что, когда я стояла неподвижно, ткань держала меня только за плечи. Рукавов не было, зато пройма спускалась до самых кончиков пальцев. Ходить в этом «платье» и не путаться в складках я могла только очень медленно и осмотрительно, придерживая перед собой подол. Под той же скамьей нашлись и незатейливые ременные сандалии. На ложе, сливаясь по тону с покрывалом, сложенная вчетверо, обнаружилась огромная шаль, тяжелая и теплая. Никаких нижних платьев, юбок, туфель... Я же буду совсем голая – под этим синим атласом!

Но на раздумья совсем не осталось времени. Раздался стук в дверь, и я, неуклюже подхватив свое новое одеянье, отворила. На пороге стоял молодой слуга. Не говоря ни слова, он жестом предложил следовать за ним.

Мы шли неспешно, и я пыталась запомнить дорогу к своей комнате. На прохладных каменных стенах коридоров не было ни привычных картин, ни охотничьих трофеев, ни родовых портретов или гербов. Только зеркала. Всюду, в самых неожиданных углах, самых причудливых форм и размеров. Вывернув из-за очередного поворота, мы оказались у высоких приоткрытых дверей. Слуга поклонился и, оставив меня, растаял где-то в полумраке.

Сердце забило, вдруг вспотели ладони. В полном смятении я взялась за драконьи шеи дверных ручек, нажала, и на бесконечный миг мне показалось, что чешуйчатый металл шевельнулся под пальцами. Я отдернула руки и скользнула внутрь.

Глава 2

– Хотя это и спорное замечание в вашем нынешнем состоянии, но, тем не менее, добрый вечер, фиона.

Дымный свет, еще слегка прыгающий от шалого дверного сквозняка, отраженный в нескольких высоких зеркалах, выхватывал из мрака лишь небольшую часть залы рядом с камином, оставляя бездонную черноту сводов почти не согретой. Я двинулась на голос – к камину, к креслу с высокой спинкой, не понимая еще, кому этот голос принадлежит. Второе – пустое – кресло стояло боком к огню.

Я приблизилась. Слегка скрипнув по каменным плитам, кресло чуть развернулось, и я впервые встретила глазами с тем, кого здесь называли Герцогом. Сонные сполохи каминного пламени высветили левую половину лица – льдистый голубой глаз, высокий шишковатый лоб и гладко выбритый матовый череп. Остальное полностью вычернила тьма.

Герцог не отрываясь смотрел мне в лицо – и при этом словно разглядывал меня всю, с головы до пят. Безбрежное плотное темное платье, никак не обозначающее фигуру, будто немедленно истончилось, истлело под его взглядом – и вот она я, новорожденная, перед ним. Вспыхнуло раздражение: Герцог сам нарядил меня так, и теперь я, нола фиона, дочь графа Трора, выставлена бродячей комедианткой, ни дать, ни взять! Волна негодования накатила и схлынула, и я устыдилась собственной гордыни: люди этого фиона тьернана⁴ оказали гостеприимство, и мне хватит воспитания, чтобы держаться с достоинством в любом платье. Все это, вероятно, отразилось у меня на лице, и в глазах неотступно наблюдавшего за мной Герцога промелькнула усмешка.

– Фиона нола, прошу вас, разделите мое общество. Позвольте сразу отметить, что вы держитесь с завидным достоинством, даже в этом... хм... по особой моде скроенном платье. Мои комплименты ноле фионе!

Приметив, что Герцог повторяет вслух то, что я не произносила, и тут же забыв об этом, я повиновалась. Нам уже сервировали чай на столике рядом. Запахло мятой и еще чем-то пряным, сладким.

– Выпейте чаю, а нам тем временем подадут ужинать. Вы, должно быть, голодны невероятно?

Герцог говорил очень тихо, нараспев и как бы между прочим, но каждое слово его ртутью проникало между путанными моими мыслями. В горячем воздухе слышен был лишь треск поленьев в камине, деликатный стук чашки о столешницу – и голос Герцога. Он ничего у меня не спрашивал, и я вдруг осознала, что в стенах замка я пролепетала едва ли больше пары фраз. Кошка, я просто кошка на коленях у Герцога – вот как оглаживал меня этот голос. Когда я поставила на стол опустевшую чашку, Герцог, без усилий, но пристально следивший за каждым моим движением, заговорил вновь:

– Ну вот, вы немного пришли в себя и почувствовали, что вам здесь рады. Теперь позвольте представиться: герцог Коннер Эган. Для фионы – просто Герцог.

Он поднялся, и тут же слуги внесли еще с десяток зажженных факелов. Залу мгновенно затопило светом, и я увидела в глубине стол, полностью накрытый к ужину. На двоих.

– Прошу вас, Ирма! – Герцог протянул мне громадную молочно-белую ладонь. Изо всех сил сосредоточившись, я подала ему руку, прихватила подол и медленно заскользила к столу – я поняла, как надо двигаться в моем новом облачении. Меня не смутило, что хозяин знает мое имя: к этому времени, скорее всего, уже доставили моих слуг, и они сообщили подручным Герцога, кто я.

⁴ Фион тьернан (*фери*) – «пресветлый лорд», почтительное обращение к мужчине из знати.

Проворно и в абсолютном молчании подали первую перемену блюд. Я наконец обрела дар речи.

– Фион тьернан Эган, благодарю вас за оказанное гостеприимство и помощь мне и моим людям. Мой отец, граф Трор, не забывает таких услуг. – Я постаралась придать своим словам всю возможную вескость.

Герцог небрежно махнул рукой, но глаза его загадочно блеснули.

– Ваших слуг доставили, но не сюда, а в мой охотничий домик. Он ближе к дороге, и туда уже выехал лекарь. О них позаботятся.

Хороши новости: никого из моего эскорта со мной не осталось. Я настороженно выпрямилась в кресле.

– Зачем они вам, Ирма? Откиньтесь, забудьте. – Герцог был сама безмятежность. – Мои слуги в вашем распоряжении, но и они вам не понадобятся. Вы будете спать, как дитя, обещаю вам. Правда, чуть погодя. А сейчас – угощайтесь.

Я вознесла короткую предтрапезную благодарность Риду Вседержителю, успев заметить краем глаза, что Герцог тоже прикрыл веки, но не серьезная сосредоточенность, подобающая этому особому обращению к Всемогущему, а сладостная, почти фривольная, игривая улыбка расплылась на его лице. Мы в молчании приступили к ужину. Запахи и вид блюд опьяняли. То была безыскусная, но превосходная охотничья кухня: жареная дичь, овощи, красное вино. О, как я была голодна, однако мне, безусловно, хватило воспитания не показывать этого. Но не успела я поднести вилку ко рту, как Герцог произнес вполголоса, глядя словно бы сквозь меня:

– Подождите, фиона, не спешите.

Я не нашлась, что на это сказать. И могла поклясться – ни одним жестом не выдала пылкого желания съесть эту замечательную куропатку чуть ли не руками, так велик был мой голод, и такой чудесный дух поднимался над блюдом. Герцог же продолжал:

– Не упустите любовной прелюдии, дорогая Ирма. – Он почти не улыбался и произносил слова тихо и очень ровно.

Все внутри меня остановилось. Я не знала, что и думать, – и, главное, как сейчас вести себя с этим человеком? В подобной манере мужчине пристало говорить с невестой после объявления помолвки – никак не с едва знакомой девицей. Завороженно глядя на хозяина, я отложила вилку с наколотой на нее куропачьей ножкой.

– М-м, рассмотрите же то, что собираетесь принять в рот. Очень скоро вы соединитесь навсегда. Этот кусок мяса будет ближе вам, чем благородный граф Трор, чем ваш жених, которого вы, как вам кажется, любите... Проживите это. Услышьте, как зовет эту мертвую птичку ваше тело.

Я в смятении заметалась взглядом между вилок и лицом Герцога. Что-то подсказывало: хозяин дома говорит не о благодарении за ниспосланную трапезу. Рид Всесильный, что происходит? Я собралась с духом:

– Герцог, что вы хотите этим сказать?

– Чем, фиона? – Герцог глядел на меня поверх бокала с вином – слегка удивленно и, как мне показалось, насмешливо.

– Вы предложили мне... услышать этот кусок мяса... Если я правильно вас поняла. – Я чуть не поперхнулась тем, что произнесла.

– Вы ослышались, фиона Ирма. Я всего лишь пригласил вас отведать наконец куропатку – вы почему-то совсем не едите.

От усталости, похоже, начинают мерещиться совершенные нелепости. Я положила в рот злополучный кусок, и гастрономическое наслаждение ненадолго расплело время до простой прямой. Герцог – вполне игриво, как старый друг, – цокнул своим бокалом по боку моего.

– За ваш визит ко мне, драгоценная фиона нола! За ваш столь *своевременный* визит. – Последние слова были сказаны в том же странном отсутствующем тоне, и мне опять померещилось то, что не прозвучало. Мы пригубили вино. Прекрасное, несладкое, терпкое. Знакомый жидкий огонь обжег гортань, пролился глубже. Мне захотелось воздать хотя бы словесно за удивительное радушие тьернана Эгана.

– У вас великолепный замок, Герцог.

– Вам нет нужды мне льстить. Ваше общество – мое удовольствие и мой выбор. Более того, замка вы еще и не видели почти вовсе, поэтому комплимент придется отложить хотя бы до завтрашнего утра.

Я вспыхнула: ну вот, меня уже уличают в грубой лести! Во второй раз за вечер я себе показала невоспитанной плебейкой. Устала – я просто устала и переволновалась за этот вечер сверх всякой меры – так объяснила я себе свою неуклюжесть. Похоже, все-таки стоит помалкивать, отдать бразды правления беседой Герцогу. Он что-то негромко спрашивал – о моем отце, словно знал его давно и близко, о моей покойной матери, потом что-то о музыке, – а я продолжала, краснея и бледнея, отвечать невпопад, путаться в словах, мучительно запаздывать с ответами. С каждой следующей своей неловкой фразой я погружалась в дремотную оторопелость, постепенно растворяясь в темных водах голоса этого человека, теряя себя, засыпая. Наконец Герцог поймал маятник разговора в полете и, к моему несказанному облегчению, перешел на неспешное сольное говорение. Не объяснить, как, но фион Эган, даже не обмолвившись о сем, позволил мне совсем прекратить себя слушать. Я исподтишка разглядывала его – ум увлекся этой занимательной игрушкой и оставил меня в покое.

Герцог показался мне безобразным. Очень бледное лицо, большой рыхлый нос, светлые брови, огромный почти гротескно подвижный рот с крупными зубами, прозрачные серые глаза с острыми пронзительными зрачками. Как ни странно, я сама не заметила, как лик этого сатира приковал к себе мой взгляд намертво. Герцог меж тем словно не замечал, что я, глухая к его речам, бесцеремонно пялюсь на него, как на неодушевленный предмет. Хотя именно невероятная, нечеловеческая одушевленность облика хозяина замка и завораживала меня более всего.

Между тем подали фрукты. В гигантской ярусной вазе я разглядела мои любимые фиги и выбрала себе одну, уже треснувшую.

– Красивый плод, не правда ли? – Герцог смотрел не в лицо мне, а словно бы разговаривал с моей рукой, с пальцами, в которых я держала фигу за ножку.

– Да, пожалуй... – Я снова забеспокоилась.

– Как вы будете его есть?

Я вгляделась в серые глаза напротив. Доброжелательная небрежность. Чтобы выиграть хоть миг, я откашлялась.

– Очищу его от кожуры и съем мякоть...

– Прекрасно, фиона. Попробуйте же скорее эту фигу, прошу вас! – В голосе Герцога прозвучало волнение и даже некоторая горячность.

Смущаясь под остановившимся взглядом Герцога, я взяла фруктовый ножик и начала осторожно счищать тонкую лилово-зеленую кожицу. Далее полагалось разрезать фигу на четыре четверти и отправить их в рот. Ожидая подвоха, я взглянула на Герцога. Он широко улыбался.

– Ну же, Ирма! Не терзайте фигу. – Подавив нервный смешок, я вдруг увидела себя очищенной фигой на тарелке у Герцога. – Я бы съел ее целиком. Так больше вкуса, не правда ли?

С такими словами Герцог вдруг перегнулся через стол, и я увидела эти светлые, но совершенно непроницаемые глаза совсем близко – в них плясали очаровательные лихие бесы. У меня закружилась голова, я опустила выпачканный фруктовой мякотью нож и поняла, что сейчас эту фигу мне не съесть. Повисла смятенная пауза. И тут Герцог, внезапно откинувшись в кресле, взялся меня выручить.

– Фиона нола желает почитать! – Я скорее почувствовала, чем услышала, как к моему креслу подступили сзади. – Фиона Ирма, вы устали, и вам нужно отдохнуть. Дерейн, проводите.

Я неуверенно поднялась. На формулы вежливости не осталось никаких сил. Кресло мягко отодвинули, мне предложили руку, и я неуклюже вцепилась в теплое крепкое запястье. Явь будто истлела, укуталась сизым дымом. Стоило поблагодарить хозяина за прекрасный ужин и беседу (Рид милосердный!), извиниться за невозможность далее составлять компанию, но все тот же тихий голос за моей спиной сказал:

– Не трудитесь, драгоценная фиона. Я сам себя поблагодарю, извинюсь и извиню. Сладчайших сновидений. Ах да... фигу, разумеется, вам доставят в покой незамедлительно.

Не помню, как провожатый вывел меня из гостиной. Я лишь ощущала всей спиной плотный неотрывный взгляд. В коридоре наваждение начало развеиваться, и я смогла наконец рассмотреть спутника. То был один из моих спасителей – худой юноша с заплетенными в косы мокрыми волосами, которые теперь почти высохли и небрежно рассыпались по широким плечам.

– Как прошел ужин, фиона Ирма? – В глазах молодого человека поблескивало озорство, но он не насмешничал, и я, хоть и все еще настороже, дерзнула ответить:

– Благодарю вас, фион Дерейн. Все было очень вкусно. Герцог – замечательный... хм... собеседник.

– Несколько эксцентрический, быть может? – Дерейн явно упивался моей растерянностью.

Я промолчала. Слишком много всего произошло за этот вечер, и я не склонна была плодить непонятности.

Мы прошли уже узнаваемыми коридорами и лестницами. А вот и моя комната.

– Спокойной ночи, фиона нола. Завтра меня здесь не будет, а вот чуть позже почту за честь вновь вас видеть.

– Благодарю вас, фион Дерейн. Спокойной ночи, фион Дерейн.

Лишь когда дверь затворилась и я, на ходу сбросив сандалии, упала прямо в платье на постель, в вожделенном уединении до меня наконец дошел смысл последних слов Дерейна: в этом доме полагают, что я останусь погостить. Вот уж нет, покорно благодарю, подумала я, вспомнив о закончившемся, слава Риду, ужине.

Герцог был не совсем прав: во сне я утонула не мгновенно.

Глава 3

Никакая усталость не отменяла вечернего Обращения к Риду.

Я извлекла из дорожной сумки потрепанный томик «Жития и Поучений». Как всегда, открыла наугад. И почти не удивилась, прочитав на развороте слева: «Речение Второе. О благовоспитанности». Я знала его наизусть – брат Алфин, мой наставник, выписанный из Святого Братства отцом специально для меня, начинал с этой главы любые наши занятия. «Благовоспитанность – спасительный плот в море разговоров людских, убежище от сердечной смуты и корень воздержанности и благородства настоящего». Я привычно повторила эту – последнюю – строку Речения, представила, как слова одно за другим падают золотыми монетами в сокровищницу моей души. В точности как учил согбенный брат Алфин.

– «Рид Милосердный, Всесильный и Всезнающий, благодарю Тебя за науку и поддержание ума моего в покое и воздержанности». – Я прошептала Обращение – и не ощутила сердечного трепета, обычно сопровождавшего произнесение осененных временем слов.

Вторым обязательным священнодействием перед сном был ритуал общения с дневником. Я завела свой первый альбом для записей, когда научилась начертанию букв. Поначалу я лишь запечатлевала произошедшее за день, и дневник долгое время был мне другом и советчиком, проводником, утешителем и даже учителем. Но после того, как между мной и этим ничем не примечательным альбомом впервые произошло нечто совершенно для меня необъяснимое, на свои писания мне пришлось посмотреть иначе.

Однажды поздним вечером, когда весь дом уже давно погрузился в сон, я записывала, как обычно, что происходило в тот день со мной, у меня на уме и в сердце. И вдруг – то ли благодаря случайному слову, проросшему в голове, то ли подвернувшемуся шалому обороту – словно потеряла сознание. Рука словно сама собой понеслась над бумагой, буквы натекали одна на другую, слова бились во мне, как обезумевшие; мне казалось, что я одержима чем-то внешним, большим, чем я сама, и оно, истомившись, рвется наружу. Сейчас даже не помню, о каком событии шла речь, – может, о первом купании после стылых месяцев или о какой-то особенно дерзкой верховой вылазке с Ферришем... Само приключение потеряло всякую ценность в сравнении с той смутной неукротимой силой, что держала меня за кисть в те лихорадочные мгновенья.

Оно ушло почти столь же внезапно, как и явилось. В пересохшее русло ума хлынули мысли. Странно: не было мне ни страха, ни сопротивления. Я лишь ощутила горячую слабость и гулкую солнечную пустоту внутри. А вместе с этой пустотой пришла грусть – такая навещает детей, когда их любимая птица улетает на зиму в теплые края. Я заскучала по этому прикосновению, едва успев его проводить. С тех пор я писала, втайне лелея надежду, что смогу приманить это чудо вновь.

И оно вернулось – и не раз! Если я бралась писать ежедневно, испещряя торопливыми завитушками букв страницу за страницей, то хотя бы единожды в месяц незримый «друг» навещал меня в моем уединении. Ни одна живая душа (даже Ферриш!) не знала об этой моей тайной «дружбе».

И вот сегодня впервые за несколько дней я вернулась к дневнику. Сон, хоть и с некоторым опозданием, уже накрыл мне лоб своей властной дланью, и я не осилила и полстраницы, решила отложить подробный отчет до завтрашнего вечера, когда смогу спокойно расположиться дома в библиотеке и привести в порядок свои воспоминания обо всем произошедшем.

Задув свечи, я лежала, глядя на простуженные отблески догоравшего каминного пламени. Под прикрытыми веками заскользил ушедший день. Неожиданно меня посетила беспокойная мысль: как мало я знаю о себе и как смехотворно узко то пространство обстоятельств, в которых мне свободно и безмятежно. Всегда мнилось, будто мир принадлежит девицам

на выданье – если на них не менее трех слоев батиста, под ними сытый смиренный конь, а за спиной всегда возвышается седовласый красавец-отец. Как же легко, оказывается, вышибить меня из седла, и вот уж я – беспомощный, глупый младенец. В подвздошь заворочалась обида, странная слепая тревога. Вскоре, однако, усталость взяла свое.

...Наступившее утро затопило мою спальню дымным сизым светом. Я не двигалась, не торопилась вдохнуть день, медленно собирая мир из вчерашних осколков и восстанавливая в изумленной памяти события, которые привели меня в эту комнату. Набросила на плечи шаль, выбралась из постели и подошла к окну.

Дождь, по-видимому, не прекращался всю ночь, но с приходом утра почти стих, и сейчас за окном не видно было ни зги: деревья обволакивал глухой туман. Угадывались очертания лесистых холмов, в эти ноябрьские дни – буро-серых. Я попыталась определить, в какой стороне замок фиона Колана, и так понять, где же находятся таинственные владения герцога Эгана. Но солнце не проникало сквозь одеяла тумана, и точку восхода было не угадать. Стены толщиной в четыре локтя и окно на высоте моей груди не позволяли высунуться наружу. Расспрошу-ка лучше Герцога за завтраком.

Ох, Герцог. Через силу пришлось самой себе признаться: любопытство мое ничуть не убавилось. Напротив, освеженная сном, я рвалась исправить вчерашние оплошности, допущенные в разговоре с фионом Эганом, произвести благоприятное впечатление. И, не скрою, я жаждала отыграться за его словесные трюки – и желала подружиться с ним, в глубине души надеясь, что после того, как я сегодня покину пределы его владений, мы сможем даже приглашать друг друга в гости.

Одевшись, я выглянула в коридор. На высоком трехногом табурете у моей двери неподвижно сидел слуга с бесстрастным лицом: это он вчера сопровождал меня к ужину и теперь опять повел знакомым путем. Ни о том, сколько ему пришлось проторчать под дверью, ни о времени своего пробуждения я не имела ни малейшего понятия.

Мы проследовали вдоль высветленных рябым пасмурным днем коридоров. Из узких окон, расположенных на разной высоте – то совсем почти у пола, то на пару локтей выше моей головы, – сочился по каплям все тот же перламутровый, почти плотный свет. Мне дали довольно времени на умывание в жаркой ванной комнате, наполненной густыми эфирными ароматами. Духов я нигде не нашла – зато не было недостатка в маслах и душистых притираниях. Не осмеливаясь наносить незнакомые благовония, коих тут было намного больше, чем известных мне, я выбрала старые добрые корицу и лимонник – для волос и запястий.

Молчаливый провожатый терпеливо дождался окончания моего утреннего туалета, проследовал со мной до знакомых дверей с чешуйчатыми ручками и там откланялся. Безмятежный и, похоже, необычайно долгий сон сообщил моему сознанию пронзительную ясность. Теперь я заметила, что маленькая зала перед входом в гостиную – отдельная башенка с окнами в каждой четверти круга. Я начала привыкать к тишине и неподвижности замка. С веселым азартом изготавившись для словесных баталий, я вдохнула, выдохнула, умиротворенно улыбнулась и – толкнула дверь.

Вчерашняя зала, в ночной тьме почти зловещая, ныне показалась мне тихой, торжественной и бесстрашной. Прорезанная здесь и там серовато-жемчужными потоками ненастного света из заплетенных причудливыми решетками окон, она оказалась действительно просторной, но стены ее уже не прятались во мраке. Я сразу поняла – или даже почти по-звериному учуяла, – что Герцога здесь нет. Но менее всего сейчас мне хотелось суетиться, и я просто осталась ждать – сама не знаю, чего.

Я медленно обходила залу, и ни один звук извне не достигал моего слуха. Опять я подивилась отсутствию семейных портретов на стенах – только зеркала, зеркала, зеркала. Я созерцала два-три своих отражения одновременно и, как бы ни пыталась увернуться, неизбежно встречалась с собой взглядом. Стены и в этом крыле замка были необычайно массивны, но окна

залы удобно располагались довольно низко от пола, и я, сбросив сандалии, с удовольствием расположилась в оконном проеме. Подложив под себя обширный подол платья и опершись спиной о стену, я подтянула колени к подбородку и принялась осматриваться.

Безусловно, я понимала, что веду себя при этом совершенно непозволительно фионе ноле. Но здесь, в этой зале, я вдруг ощутила... нет, не одиночество, но уединение, словно осталась одна в глухом лесу, – таким полым и безмолвным было все вокруг меня. И чувство это, и горькое, и сладкое, пронзило меня таким небезразличным покоем, что я оторопела и какое-то время рассеянно переводила взгляд с одной макушки дерева, захлебнувшегося в тумане, на другую.

Окна гостиной с этой стороны смотрели во внутренний двор, и здесь стены замка возносились над землей локтей на двадцать пять – тридцать. Башня напротив и массивный флигель правее почти заслоняли вид на соседние холмы, а внешний карниз был такой досадно и нелепо широкий, что я при всем желании не могла выглянуть во двор.

– Здравствуйте, фиона Ирма!

Не сразу, совсем не сразу я поняла, что уже некоторое время совсем не одна. От неожиданности я попыталась немедленно спрыгнуть на пол, запуталась в платье и почти упала, но меня мягко, будто я ничего не весила, поймали и поставили на ноги. Как только я обрела равновесие, Герцог отпустил мои плечи.

Глава 4

Вот так идут прахом попытки исправить однажды произведенное дурное впечатление. Меня застучали за откровенным ребячеством: высунулась из окна, босоногая, обо всем на свете позабыв, не здороваюсь с мужчиной старше себя по возрасту первая. Стыдоба да и только.

– Так-так, моя драгоценная фиона нола. Вот, значит, как воспитывают девиц в благородном семействе графа Трора.

Все что я так хотела спросить у фиона Коннера о его замке, смешалось у меня в голове. Необходимо было немедля решить: в последний ли раз попытаться вести себя, как подобает даме, или уж наконец быть тем, что, без сомнения, видел во мне Герцог, – девчонку, бестолковую девчонку. Эх, была не была:

– Фион тьернан Эган, Герцог, что тут такого? Ну и подумаешь, что с ногами. Извините, что первая не поздоровалась, вы ходите слишком тихо.

Выбор сделан. Никакая я не благовоспитанная и не *взрослая* нола. И теперь мы никогда не сможем стать друзьями. Герцог меж тем перестал улыбаться, и в глазах его появилось нечто, отчего я похолодела: смесь спокойной решимости и легкости одновременно.

– Меда⁵ Ирма, именно потому, что вы не являетесь благовоспитанной нолой, у вас есть Настоящая Возможность.

Что он хочет этим сказать? Я тут же подумала, что это один из разговорных трюков, столь любимых Герцогом, но он смотрел на меня тихо и серьезно, и лицо его лишилось всякой игривости.

– Следуйте за мной. – С этими словами он протянул мне руку. Я не задумываясь вложила в нее свою, и двустворчатые двери бесшумно затворились за нами.

Мы двинулись по еще не знакомому мне коридору. Совсем скоро мы уже поднимались по крутой винтовой лестнице в дуле круглой башни, все выше и выше. Но вот лестница закончилась, и мы оказались внутри чего-то вроде гигантского фонаря. Герцог открыл несколько окон, и нас тут же спеленал пронизывающий осенний ветер.

Я с опаской приблизилась к распахнутой створке. Мы находились чуть правее того окна в обеденной зале, из которого я пыталась выглянуть во двор. Туман почти растянуло, и с этой высоты видны были косматые холмы до самого горизонта; невдалеке блеснуло озеро, несколько одиноких черных птиц расчертили бумажное небо над вершинами деревьев и растаяли в сизых облаках. Никаких шпилей, башен, стягов на ветру – лишь шершавое море осеннего леса. Но внимание мое почти сразу приковал внутренний двор далеко под нами.

Словно в окуляре гигантской подзорной трубы, я увидела зажатый стенами со всех сторон внутренний двор замка, затейливо усыпанный ярким разноцветным гравием. Такие картинки, за умеренную плату, насыпают в парках состоятельных чудаковатых фионов бродячие блиссы⁶. Рисунок, открывшийся моему взору, изображал, похоже, Рида Милосердного и Всемогущего⁷ – но прямо на земле! И на моих глазах двор пересек, бестрепетно шагая по Священному Лику, какой-то слуга. К моей оторопи и ужасу, я не увидела у Рида положенных Каноном Благости горящих разгневанных очей, сжатых суровых губ, квадратных скул с проступающими желваками. Не было ни тяжелого, всегда мокрого плаща на усталых напряженных плечах, ни

⁵ Меда (*дерр.*) – «особенная, единственная». Обращение, используемое в высоком деррийском наречии для обозначения любых особых, в том числе неназываемых, уз.

⁶ Блисс (*фери., дерр.*) – художник, одержимый живописью. Особая каста бездомных, часто немых, слепых или глухих художников, зарабатывавших случайными заказами.

⁷ Господь Рид всегда изображается борющимся со стихиями. Согласно легенде, он в осеннюю бурную ночь под проливным дождем воплотился из Чистого Понимания.

ночной тьмы вокруг, что опаляла бы его полуденное сияющее гало. Блissсы не потрудились изобразить ни волшебного посоха или копья, с которыми всегда изображался Всемогуший, ни перевивающих оружие Всевышнего тонких золотых лент, на которых любой невежда Господень мог прочесть таинственные и столь непостижимо печальные слова Вечной Печати⁸. Я впивалась глазами в изображение, и оно, словно вуаль за вуалью, открывалось мне все больше с каждым ударом сердца. Рид, Господь Рид улыбался тепло и радостно, глаза его были прикрыты, из-под век сочились темно-бирюзовые блаженные слезы. Фигура Всесильного будто парила, отсыпанная в гравии, распростертая, с раскинутыми руками. Плащ распахнулся, как от встречного ветра, и Всемогуший предстал передо мной совершенно нагим! Голый Рид!

Завороженная, потрясенная, я снова и снова разглядывала это восхитительное – и такое богомерзкое – изображение. «Житие и Поучения» с лютой скоростью пролистывались перед моим внутренним взором, и любая фреска меркла и осыпалась перед моим внутреннем взором – в сравнении с тем, что постигал взор внешний. А потом мысли исчезли, и я утонула в этих чистых глубоких красках.

Десятки вопросов бесновались в моей голове, толкаясь и тесня друг друга. Что все это значит? Зачем здесь этот образ? Как вышло, что обитатели замка все еще живы и никого из них не преследует Святое Братство? Или преследует? Какое наказание понесу я сама – за то, что видела такое, делила трапезу с хозяином этой обители ереси и говорила с ним? Чем пришлось заплатить мастерам-блissсам? Какие еще смертельно опасные тайны скрывает этот замок? К моему безграничному удивлению, ни возмущения, ни отвращения у меня не было. Никогда я не видела изображение прекраснее. Я смотрела на него, и этот образ неумолимо вытеснял все те лики Рида, что я привыкла созерцать за свои девятнадцать лет, с самого рождения. Он радовался, он прощал, он манил. Он жил.

– Смотрите, фиона, смотрите. Такое не показывают детям в благородных фернских семьях, верно? – раздался у меня за спиной голос Герцога. – Обескураживает? Пугает? Одно могу сказать вам без всякого сомнения: этот чудак Рид больше не даст вам покоя, и вы это знаете, моя любопытная фиона. У вас есть выбор. Вы можете решиться на невозможное и узнать тайну этого Рида – или оставить эту мысль, сделать вид, что все забыли, и провести свою жизнь так, как распорядится ваша дальнейшая судьба.

Ветер утих, но в глазах вдруг зашипало, и изображение внизу помутнело. Голова осталась пустая и звонкая, как стеклянный шар-поплавок. Разом навалились немота и тишина, а я все смотрела и смотрела на Всесильного подо мной, впитывала его чистую новорожденную радость. Герцог молчал.

– Что нужно, чтобы узнать эту тайну? – Я будто со стороны слышала собственный голос, так тускло и низко он звучал.

– Все ваши силы. Все ваши устремления. Вся ваша страсть. Все ваше отчаяние. Вся вы. Не меньше.

– Сколько времени?

– Никто не знает.

– Где?

– В вас.

– Кто будет меня учить?

– Вы сами. И еще несколько человек помогут вам вспомнить то, что вы уже знаете.

– А вы?

⁸ Вечная Печать – священная скрижаль фернов. Перечень из 17 слов на деррийском наречии, разных, не связанных друг с другом в единое предложение частей речи, которые, согласно легенде, остались гореть в пустом воздухе до захода солнца в тот день, когда Рид ушел от людей, растворившись в пространстве на глазах у трех случайных свидетелей. Пока надпись не развеяло закатным бризом, ее увидело 52 человека. Каждый Свидетель написал или продиктовал (многие Свидетели были неграмотными крестьянами) свое видение и трактовку смысла Печати.

– Я буду среди них.

– Как часто мне придется навещать вас в замок?

– Вы не будете сюда навещать. Вы будете здесь жить – столько, сколько будет вам отмерено Ридом.

С неслышимым звоном мой стеклянный шар треснул и раскололся. Ураганый шквал мыслей обрушился на меня, сметая тишину и абсолютную сверкающую хрустальность, в которую я была вморожена один вздох тому назад. Как? Мне остаться здесь? А отец? А Ферриш, старый приятель и жених? Что скажут? Что подумают? Отец не перенесет. Позор на всю семью! А моя жизнь? Будущая семья, дети, замок, челядь, охота, балы? А потом тихая благородная старость и...

– И смерть, меда.

Этими словами Герцог словно захлопнул дверь, и шум в голове утих, словно его и не было. Остались лишь невыразимая печаль и какое-то непроглядное бессилие.

– Что мне делать?

Мы снова встретились глазами. В его взоре было столько безмятежности, что мне хотелось потеряться в нем насовсем.

– Я не смогу решить за вас, фиона Ирма, – неожиданно устало проговорил Герцог, – но у вас есть время подумать. До захода солнца. О еде и питье не беспокойтесь – о вас позаботятся. Через полчаса ваша повозка будет стоять под окнами. До заката вы либо покинете замок и вернетесь к отцу, либо... – Герцог развернулся и начал спускаться по винтовой лестнице.

Не сознавая себя, я обеими руками вцепилась в оконный переплет. Пронизывающий ветер забирался в складки шали и платья, ранил кожу жестокими ледяными пальцами, но я словно онемела изнутри. Я бесцельно, бессмысленно блуждала взглядом по заспанному лесному простору. А снизу возносился мне навстречу свободно парящий Рид.

Глава 5

Я не помню, сколько времени провела с улыбавшимся мне Всемогущим, но мало-помалу оцепенение оставило меня. Сырой сизый туман расселся по швам, раздерганный поднявшимся борзым ветром, и в прорехи облаков глянула синева. Я смертельно замерзла, а ноги освинцовели.

У основания винтовой лестницы на трехногом табурете восседал знакомый слуга, невозмутимый и спокойный. Он довел меня до обеденной залы, а оттуда я уже знала дорогу к себе.

Скрывшись от ветра, от неба и от того Рида, я вновь погрузилась в пучину смятенных вопросов. Я металась от стены к стене, бессмысленно трогая и вслепую переставляя что-то на полках. «Отец не переживет. Отец не переживет», – колотилось погремушкой у меня в голове. Я словно видела его: вот он одиноко сидит в библиотеке, постаревший, плечи горестно опущены... Старается сдерживать слезы, в темных узловатых пальцах подрагивает на цепочке распахнутый медальон. В створках – мой портрет, мне восемь, и материн, сделанный, когда она была молода и весела. И жива. Я вижу отцову гриву совершенно седых волос, не ухоженных и не умащенных с того самого дня, когда ему сообщили о моем... да-да, о моем предательстве.

Меня вдруг пронзило видение: отец в гневе, и нет ничего страшнее, ничего кошмарнее стальных глаз его и раскаленного льда его голоса. Болезни и смерть – едва ли не химеры в мои годы, что значили они в сравнении с отлучением от сердца этого седого, красивого мужчины, лучше которого нет никого в целом свете? Хотя бы на миг... Тогда на чудовищный и дикий вопрос, чью любовь и защиту я боюсь потерять больше – отцовскую или Господа Рида, – я не задумываясь сказала бы, что отцовскую. Такова была моя богомерзкая правда.

Воображение уже услужливо подсовывает картины: вот меня предают семейной анафеме. Призраки горестных, негодующих, осуждающих меня братьев, кузенов и кузин, теток, дядьев заполнили комнату. Потрясенный и смертельно разочарованный Ферриш, отныне и навсегда – потерянный старый друг по детским играм, более не отец моим будущим детям. Гулкие голоса гремят в голове дюжиной злых колоколов. Предательница, обесчестившая имя Троров! Недостойная, падшая! Паршивая овца! Вычеркнуть ее имя из семейных списков и забыть как не рожденную!

Нет, такого не пережить. Никто больше не станет любить и защищать меня. Я никому не нужна в этом мире, кроме моей семьи. Я просто умру. Умру. Я оплакивала саму себя. Все внутри вздрагивало и сжималось, меня бросало то в жар, то в холод, платье, напитанное липким потом, прикипело к спине.

Ум-акробат вдруг совершил неожиданное сальто, и шарманка воображения сыграла мне песенку про то, что может ждать меня впереди, если я окончательно свихнусь и останусь в замке. Песенка получалась довольно бестолковая. Что я знала? Герцог и, по всей видимости, еще какие-то люди раскроют мне тайну еретического изображения. Вероятно, меня посвятят в какое-то темное апокрифическое таинство, за которое, вне всяких сомнений, мне придется еще неизвестно какой ценой заплатить. И для этого необходимо оставаться «гостить» у почти незнакомого, невообразимо странного человека. Неженатого, судя по всему, мужчины! Нелепость? О да, подтвердил холодный голос здравого смысла.

Но, каким бы очевидным ни казался выбор, блаженство его отсутствия было мне недоступно. Я почти слышала глубоко внутри тихий настойчивый зов, заглушавший базарную суматоху рассудка. Кто-нибудь, пожалуйста, решите за меня!

И тут меня осенило. Книга Рида! Я бросилась к «Житию и Поучениям», покоившимся на полу у самого ложа, упала на колени перед книгой, под пальцами замелькали страницы. Я искала ответ. Любой ответ. И ответ был дан мне – единственный, недвусмысленный: следует незамедлительно покинуть замок и первым делом рассказать отцу Алфину об этом гнезде

ереси. Ну, в худшем случае забыть это все немедленно и навсегда. Так учил Господь Рид. И я впервые в жизни с ужасом осознала: мое «правильно» и «Житийное» «правильно» могут иметь очень мало общего. Впервые в жизни незыблемая почва под моими ногами заходила ходуном. Кто-нибудь, помогите же! Я шатко поднялась на ноги и выглянула за дверь.

Коридор был пуст и тих. Но справа на табурете я заметила поднос, который позаботились разместить так, чтобы я сразу его увидела, но при этом никак не могла сбить, если бы вдруг бросилась вон из комнаты. На подносе – небольшая накрытая супница, сыр, хлеб, гроздь винограда и яблоко. Под табуретом, укутанный в синий войлок, стоял чайник.

Только взяв поднос в руки, я увидела: за супницей пряталась крохотная синяя роза и песочные часы, а под ними белела записка. Я поспешно внесла поднос в комнату, поставила его прямо на полу перед камином и выдернула послание. В нем тонким почерком без наклона чьей-то уверенной рукой написана была одна-единственная фраза, начисто, как мне показалась, лишённая смысла: «Позвольте решению принять вас».

Я с тревогой взглянула на часы. Песок из верхней капсулы уже на две трети перебежал в нижнюю. Он сыпался тонкой, почти невидимой струйкой, но я знала, что солнце тем не менее сегодня сядет. И очень скоро.

Предложенные мне яства заслуживали куда большего гастрономического внимания, я же едва различала вкусы. Муки выбора незаметно утихли. Разумеется, я уезжаю.

Теперь все метания и колебания вызывали недоумение во мне самой, а истекшие сутки казались грезой. О нагом Господе стоит просто забыть. Я уезжаю.

Я поискала глазами платье, в котором вчера приехала в замок, и, к своему довольно умеренному удивлению не обнаружила его. Что ж, придется ехать в этом балахоне... По дороге придумая, как объяснить мой наряд. Поднявшись со своего бивуака у камина, я еще раз на прощанье оглядела спальню, на ходу подобрала с подноса цветок и вышла. Привычный слуга спрыгнул с табурета, и мы быстро и молча проследовали знакомым путем до входных дверей. Уезжать не прощаясь – нагрубить, если не оскорбить гостеприимных хозяев, подумалось мне, но встречаться с Герцогом сейчас я почти боялась: я даже не сумею выдержать его взгляд, заговорить с ним – тем паче. Я замерла у порога. Всего один шаг – и я покину этот дом. И тут остро и больно сжалось сердце: как быстро и яростно пронзил меня этот странный фион Коннер, до какой-то очень потайной глубины. Вдруг более всего мне захотелось остаться рядом – еще говорить с ним, еще слушать этот голос. Но тут слуга церемонно набросил мне на плечи плотный и приятно тяжелый плащ с глубоким капюшоном. Точно такой, как был у Дерейна в минувшую ночь. Плащ герцогства Эган. Ночь герцога Коннера обнимала меня – и провожала.

Дыхание перехватило, к горлу подкатил горчичный комок. Онемевшими губами я прошептала слова благодарности. Повозка ожидала, как и было обещано, чуть поодаль от парадной лестницы, а на козлах сидел незнакомый человек, закутанный в такой же, как у меня, широкий плащ. Под капюшоном горели темные глаза, и резкая тень очерчивала губы и скулы. Ваймейн⁹! Ваймейн – и возница? Невероятно. Но мне-то что за дело? Главное, чтобы знал дорогу.

– Полез-з-зайте, фиона. А за дорогу не из-звольте волноваться, довед-зу в лучшем виде. Хоз-з-яин раз-зобьяснил. – Я обмерла от неожиданности. Мой ваймейн не только разговаривает, но и на незаданные вопросы отвечает... Как и все здесь, впрочем.

– Как тебя зовут? – Меня накрыло сонным безразличием, и я сама не поняла, отчего я затеяла разговор, устраиваясь в повозке удобнее: путь предстоял неблизкий.

– Деррис, фиона нола, – сказал он и ухмыльнулся.

⁹ Ваймейн – небольшая замкнутая народность, обитатели плоскогорья Вайм на юго-западе от Фернских лесов. Объект коморошских шуток за якобы буйный дикий нрав и нелюдимость.

Я прикусила губу. Деррис¹⁰! Тень беспокойства захолодила спину. Чего только не болтают об этих ваймейнах... Но у Дерриса на плечах – плащ герцогства Эган. Это обнадеживало.

Прозвенел разбитной клич на дерри, спел кнут, подушки дрогнули, скрипнули колеса, и повозка, раскачиваясь, выехала за ворота, а я начисто пропустила мимо ушей, что невежда-ваймейн разговаривает с лошадьми на высоком наречии.

Закатный свет озарял синий атлас на моих коленях. Кроме дробы копыт да редкого прицокивания Дерриса на козлах, ничто не примешивалось к топлому молоку насупленной вечерней тишины.

Я зябко куталась в подаренный плащ, тщетно пытаюсь избавиться от неизбывной горечи... утраты. Хрустальное прозрачное сожаление с неслышным звоном замкнуло меня в своем ларце. словно невесомый плоский камешек, я соскальзывала в эту глубокую темную печальную воду. Что-то вдруг тоненько треснуло внутри, и по щеке сбежала первая жгучая слеза, а за ней еще... и еще... И не ведала я, что оплакивала. Долгие, как две бесконечности, годы уйдут на то, чтобы это понять. Мир рябил и дрожал в глазах, и сама я, прижимала руки к сердцу, боясь, что оно сейчас брызнет и разлетится на колючие осколки. Я не заметила, не увидела сквозь подслеповатую слюду тихих своих слез, как окошко в передней стенке приоткрылось, и голос Дерриса без всякого акцента, на чистом деррийском произнес:

– Улыбнитесь, меда Ирма.

Он протягивал мне что-то. Я с благодарностью приняла у возницы тонкий платок с серебристой искрой, поднесла его к лицу и вдруг ощутила острый, обволакивающий запах. И через два вдоха мир уснул вместе со мной.

¹⁰ Деррис (*устар. ферн.*) – «безумный/одержимый»; по имени героя старых песен и сказаний о сумасшедшем юноше, уверовавшем, что он весь – живое горящее пламя любви. Некоторое время это имя было почти повсеместно запрещено Святым Братством Рида.

Глава 6

Я пробудилась словно в шаге от границы собственной памяти – чистой снежной равнины, не запятнанной вообще никакими воспоминаниями. Не разлепляя век, я осторожно покрутила головой. Она была легкой и, казалось, позвякивала изнутри при каждом движении. И тогда я осмелилась открыть наконец глаза. Ничего не поменялось: вокруг царила кромешная тьма.

Меня затопил вязкий ужас. Я ослепла? Где я? Что мне делать? Я бросилась лихорадочно ощупывать себя, поднесла руки к лицу. Веки открывались и закрывались, боли я нигде не ощущала, но этого оказалось недостаточно. Впервые в жизни мне потребовалось осмотреть себя под одеждой, и в полной растерянности, я попыталась представить, как выгляжу без зеркала – ноги, руки, бедра, грудь, шея, лицо, спина. Закрывать глаза не было необходимости – в чернильной этой темноте, – но они уснули сами. Мятный луч внимания обежал полую бутылку тела. Все на месте, я в том же бесформенном платье, но босая. Я села, прислушалась, поводила руками вокруг.

Очень хотелось не сойти с ума. Материя, грубая и простая, – вот что удерживает на грани безумия, не дает ее переступить. Мне было мягко и тепло. Везде, докуда хватало рук, я нащупывала шелковистую ровную поверхность. Откуда-то сверху двигался теплый воздух с едва уловимым неопределенным ароматом. Движение это сопровождалось негромким ровным гулом – как в далекой печной трубе. Я осмелела достаточно, чтобы встать. Голова тут же закружилась, пришлось опять сесть. Я двинулась вперед на четвереньках и почти сразу уперлась в мягкую стену.

Очень скоро я поняла, что нахожусь в некотором замкнутом со всех сторон пространстве, обитом чем-то мягким. Оно круглое, вроде колодца шагов пять в поперечнике. Наконец я смогла обратиться к вопросу, назойливо стучавшемуся в сознание: где я нахожусь? Память, как только ей дали волю, ринулась вперед вешним паводком. Ваймейн Деррис! Платок! Я в плену!

Меня прямо-таки подбросило на ноги. Где здесь дверь?! На волю! Спотыкаясь на мягком полу, я обежала пространство моего заточения несколько раз по кругу, ощупывая стены. Никаких оконных ниш, дверного проема, хотя бы какой-нибудь щели в стене или полу. До потолка, разумеется, не достать – даже в прыжке.

– Э-эй! Кто-нибудь! – возопила я. Мой крик утонул в обивке темницы. Даже эхо не вернулось. – Кто-нибудь! Выпустите меня! Именем Рида, немедленно, я требую!

Все звуки впитывались, как в вату. Я пленница – но чья? И зачем? Что им – кому? – от меня нужно? Сколько раз кувыркнулось солнце с тех пор, как я поднесла к лицу тот злосчастный платок? Что со мной сделают? За какую темную неведомую семейную тайну я должна так страшно заплатить? Безответные вопросы безумным вихрем проносились в голове. Я не знала даже, чего мне бояться, и от этого бесформенное слепое ожидание делалось еще более тоскливым и тягостным.

Неосязаемая, неизмеримая, сочилась сквозь меня лава времени.

Иногда я вскакивала и принималась метаться. Несколько раз снова выкрикивала что-то, угрожала, просила, но сами звуки, рвавшиеся из горла, – бессильные, бессмысленные – заставили меня умолкнуть. Через небольшую вечность показалось, что рано или поздно произойдет хоть что-нибудь, и все прояснится. Но эта уверенность прожила недолго – ее затопило новой волной страха, затоптало приступом лихорадочных метаний среди невидимых мягких стен. А еще чуть погодя простая плотская потребность тела, начинавшая жечь промежность, затмила любые прочие порывы. Я не могу мочиться там же, где сижу. Рид Милосердный, какое унижение! Но тут сверху, с неосязаемой высоты, раздался человеческий голос, от которого у меня едва не выскочило сердце.

– Фиона нола Ирма, слушайте внимательно. – Говоривший произносил фернские слова с легчайшим акцентом, который я не могла распознать, как ни силилась. – Вы в полной безопасности, вам ничто не угрожает, здесь о вас заботятся.

Вопросы теснились у меня в голове, и я безуспешно пыталась выбрать один, самый главный.

– Я не отвечу вам, фиона нола, не спрашивайте – не отнимайте время у нас обоих. В этих покоех вы пробудете недолго... – (так он и сказал – *покоех!*) —... но сколько – будет зависеть от вас. Еды и питья вам достанет. Сосредоточьтесь, я расскажу, как вы сможете утолить некоторые иные свои нужды. Пройдите вдоль стены покоя. Вы нащупаете, если поднимете руку повыше, небольшой участок, свободный от ткани. Надавите, и откроется ниша, где вы обнаружите необходимые туалетные принадлежности. Там же вы будете находить свежее платье и оставлять то, которое на вас. Туда же относите остатки ваших трапез. Ниша сама будет закрываться за вами. Добро пожаловать домой, меда Ирма... – Голос вдруг потеплел, утратил бесстрастность. – А сейчас отойдите к стене, вам доставят все необходимое.

Не предполагавший возражений тон моего тюремщика совершенно завораживал. Я сделала пару шагов в сторону и прижалась к теплой ткани. Пять вдохов и выдохов – и пол у моих ног мягко прогнулся: передо мной опустилось что-то крупное и тяжелое.

– Эй! Вы еще там? – крикнула я вверх без особой надежды. Мне никто не ответил.

Я осторожно приблизилась к предмету на полу. На ощупь это был большой увесистый сверток. Развернув его, я перебрала содержимое. Пара запечатанных круглых бутылей, кубок, россыпь фруктов и орехов, хлеб, обернутый в тонкую тряпицу с аккуратно обметанными краями, точно так же обернутый мелко нарезанный сыр. Слепое мое тело, способное лишь прикасаться и обонять, отозвалось попросту, едва ли не по-детски: я голодна! – и вдруг... Меня почти болезненно пронзил мучительный восторг: я – *живая!* Внезапно совсем не знакомая самой себе, я словно впервые раскрыла рот, неведомые пальцы положили на язык виноградину, чужой зев сомкнулся, и сладкий сок потек в бездонную пропасть заново разверстой гортани.

Глава 7

Шли дни – долгие или краткие, я не могла оценить, ибо ни один луч света не пробивался в мои «покой». Я не сразу поняла смысл этого слова, но со временем, хоть и не без сопротивления, покой проник в меня. Не знаю, сколько истекло часов, дней или недель, но я уже прекратила бесноваться, рыдать, бросаться на стены, колотить в пол и выкрикивать в незримый потолок угрозы, проклятия и мольбы.

Молчаливые стражи кормили и поили меня так, словно знали потребности моей утробы. Я засыпала и просыпалась, когда того желало мое тело. Я обращалась к Риду. Читала наизусть, вслух и про себя, из «Жития», но значение священных слов постепенно выветривалось, как духи из забытого флакона. Так рассеивается смысл много раз повторенной скороговорки. И я думала. Думала обо всем на свете, во всех мыслимых настроениях, в любых выражениях и с любой силой, непрерывно, изнурительно. Невозможно вообразить такого безбрежного, неуправляемого мыслиизлияния внутри обычной человеческой головы. Я, кажется, протосковала всю отпущенную мне тоску. Часами, бывало, под сомкнутыми веками царил образ моей матери. Ушедшей так рано. Как никогда прежде хотелось мне ее объятий, ее поцелуев, и мука этой потери жгла меня медленным, коптящим пламенем. Я видела отца, друга и сурового наставника, всегда такого нежного и требовательного – и вот он потерянный, с пустыми глазами, отвечает невпопад. Его руки закрывают маме глаза, бродят по ее восковому лицу, опустевшему в смерти. Угольно-черный бархат на всех зеркалах. Как тогда обходила я серые залы фамильного замка, наполненные безмолвными скорбными дядьями и кузенами, так сейчас я скользила по анфиладам пыльных, уже таких ненужных мыслей: любила ли меня мама, любила ли она отца... Я созерцала ритуалы родства, и сотни сентенций, одна другой запутаннее, натекали на позеленевший подсвечник ума. И самое тоскование сводило мне зубы.

Но и это длилось вполне конечную вечность. Мысли сначала были моими собеседниками, потом единственными друзьями, потом докучливыми гостями, потом надоедливыми мухами, а потом затхлым, изжеванным в прах пергаментом. Как я скорбела, что прожила такую краткую жизнь. Но я не сожалела, что пленена во цвете лет, отнюдь; мне было жаль, до чего мало осталось мне мысленно обглаживать.

И вот, после многих снов и бодрствований, тишина и пустота в голове стали вожаденнее, чем возня этих нескольких ветхих полых мыслей. Оцепенение сизым полупрозрачным дымом окутало мое тело. Сама не заметила, как я научилась пребывать в полной неподвижности: на границе сна и реальности наступало блаженство покоя и тишины, недоступные в суетливых жестах, в мелкой докуке. Манеры и приличия, обретающие жизнь и смысл лишь под взором внешнего наблюдателя, стали казаться ничтожными, смешными: никто здесь не видел меня, и я раздевалась донага и позволяла одному воздуху облекать мое тело.

И вот наступил «день» – или «ночь», – когда после моего «тихого лежания» я не встала поесть. Я лежала в совершенной бездонной тишине, мне было тепло, не хотелось ни еды, ни питья, тело не просило испражняться, не болело и не чесалось, а словно тихо дремало без снов. Сердце тихо и мерно билось в груди, еле заметный выдох следовал за еле заметным вдохом – и я повлеклась за этой слабой рябью.

Вверх, вниз, вверх, вниз. Полнота, пустота, полнота, пустота.

Я ввинчиваюсь мягкими кругами в пустоту внутри и снаружи, как осенний лист, парю в неведомой, но тихой и уютной глубине. Все дальше и дальше.

Пустота, полнота, пустота, полнота, пустота...

Вдох почти не нужен.

Только выдох.

И словно это тело расходитя в темноте каплей вишневого сока в бокале с водой. И чем оно больше, тем легче и легче.

Тело сходило с меня змеиной кожей, растворяясь, как весенний туман, и если бы в покои мои долетал хотя бы вздох рассветного бриза, не осталось бы и следа того, что все эти годы я обмывала, облачала, кормила, катала верхом и радовала снами.

В ослепительной тьме я с храмовым трепетом вижу, что я – гость в этом песочном замке. Мерно бьющая крыльями хрустальная птица моей жизни поймана чьей-то рукой и посажена в эту чуждую клетку. Чьей рукой? Чьей? Я боюсь спрашивать вслух. Потому что одна-единственная нота голоса может развеять тело без остатка. И еще потому, что мне вдруг стало страшно услышать ответ.

Но и этот вопрос поблек – его вытесняет, затмив собой все остальное, прохладное свечение, и мое сердце бьется двусложно: кто здесь? Тело сброшено, мысли выгорели дотла, мне больше нечего отдать. Слушиваются чешуйки – одна за другой. Лепесток за лепестком – их тысячи – я обрываю чайную розу. Я, чайная роза с тысячей лепестков, сбрасываю одежды: мои сны, и неясные образы, и бесформенные фантазии, мои нерожденные звуки, мои пелены безмолвия. Вращается, покачивается в абсолютной пустоте влажная юная золотая роза, и падают, падают, падают, кружась, лепестки, растворяясь, оставляя тень тени карамельного аромата. Облетают золотые одежды. Отец всех звуков – тонкий звон отрешения лепестка от цветка – органной рекой затопляет все слышимое от края до края. Бесконечно медленно, почти вне времени, истончается облаченье бутона... все крепче, острее аромат. Розы уже почти нет, она – растаявшая горсть тленного растраченного золота. А я – все явственнее. Ах, где же я? Развиваются последние лепестки, и время с нарастающим утробным гулом – останавливается.

Так где же, где пристанище?

Все туже время, все шире, гуще и легче пространство.

Все – дрожь и гул. *Дрожь. Гул.*

– Фиона нола Ирма, время пришло! – Огромный, необозримо огромный голос срывает одним махом последнее осеннее розовое золото и бросает в небытие. И я успеваю узнать: *я все еще есть!* – и вот уж беснующееся пространство с оглушительным грохотом срывается вниз по камням, больно и немедленно воссоздает мое тело. Из темноты и аромата розы. А сверху, кружась, мягко ложится на пол воздушный шелковистый платок.

– Отойдите к стене.

Как это?

Но вот я уже отошла. Как же так?

Густая плотная широкая сеть бесшумно опустилась к моим ногам.

– Ложитесь в середину, свернитесь клубком. Завяжите глаза: вам вреден яркий свет.

Я есть отстраненное удивление, исполняющее приказы.

Сеть дрогнула, подалась вверх – медленно и без рывков.

Прошло одиннадцать спокойных вдохов и выдохов, и три пары рук бережно подхватили меня, извлекли вместе с моим телом из паутины. Нас поставили на ноги и взяли за руку.

– Следуйте за мной, фиона нола.

Мы шли не торопясь, и тело пьянело от звуков и множества забытых ароматов. Вверх, вниз по лестницам, стены каменные и теплые, а дом, где мы находились, – весьма и весьма просторный и, судя по запахам, состоятельный. Меня изумляло мое безучастное дымчатое любопытство – без всякого страха и суеты.

Остановились. Щелкнули дверные ручки. Меня в моем теле ввели в некую довольно большую комнату, судя по эху шагов – с высокими потолками.

– Теперь вы можете осторожно снять повязку, фиона Ирма. – С этими словами провожаемый удалился и закрыл за собой дверь.

И вот тут-то вечерним ветром налетело волнение. Как дым, как неясный запах, как очень далекая музыка. Я не знала, что увидят глаза. Руки помедлили, а потом притронулись к узлу платка на затылке. Нежная ткань подалась, сухо лизнула мне запястья, сложилась мягкими складками на полу. Сначала все утонуло в молоке, потому что даже толика света, что ворвалась под веки, была велика для моих глаз, привыкших к слепоте. Но чуть погодя я увидела.

В тщательно затененной тяжелыми гардинами *той же самой зале* спиной к черному провалу того же незажженного камина в высоком кресле сидел Герцог.

– Сулаэ фазтар¹¹, меда Ирма.

¹¹ Сулаэ фазтар (*дерр.*) – «всегда приходи», одна из особых фраз в языке, имеющая одновременно смысл «Ты всегда там».

Глава 8

– Добро пожаловать домой. Простите, что прибытие слегка... хм-м... затянулось.

Зримое силилось сложиться воедино, но тщетно: все рассыпалось в моей голове на разноцветные осколки. Меня держали в темноте и одиночестве в *его* замке, по *его* приказу? Но с какой целью?

К моему бесконечному удивлению, ни один из этих вопросов не был оттенен страхом или негодованием. Тонкая, но непроницаемая, доселе не знакомая умиротворенность подсветила меня изнутри, и все происходящее представилось до странности контрастным, но мягким и... бездонно удивительным. Блаженно потерянная, я шурилась, озиралась.

В совершенной тишине беззвучно выкипали мгновения. Мне вдруг некуда стало торопиться. Герцог замер в своем кресле, я вмерзла в пол. Тихое слюдяное «м-м-м» висело в воздухе, и мы оба, казалось, заворожено слушали эту музыку, словно боясь ее спугнуть. Сквозь эту незримую текучую воду молчания все же услышала я голос Герцога, увидела его глаза – и громоздкие белые ладони, а в них какую-то хрупкую непонятную вещь. И я просто двинулась к спящему камину – разглядеть, что же у Герцога в руках. Легко, радостно, без всякого понимания. Шаг, еще шаг – и еще. И Герцог поднимается мне навстречу и протягивает то, что я так хотела рассмотреть. Я тоже протягиваю руку. Легче воздуха, она взмывает, как бабочка, и встречается с его пальцами. И вот уже между нами качается в тонком, как лезвие ножа, столбе солнечной дневной пыли крошечная синяя роза.

И вместе с ней – зажатое в наших пальцах – дрожит и танцует между нами мое сердце. Я знаю, что плачу, я чувствую, как медленные тяжелые слезы ползут по щекам. И как Герцог еще медленнее, но легко, почти неощутимо, проводит кончиками пальцев мне по лицу.

Не пришлось ни о чем его спрашивать. Он просто усадил меня напротив, как в тот памятный, бесконечно далекий вечер, и поведал ровно то, что мне нужно было знать о нем и о замке. Я слушала будто во сне, словно бы стоя за собственной спиной.

– Вы не первый мой ученик, драгоценная фиона Ирма, кому неочевидно его назначение. Как видите, я был готов к этому. Вам, видимо, и сейчас не вполне понятно, во имя чего я обрек вас на испытание темнотой, не так ли?

Что это? Вопрос постучал мне в висок, требуя ответа. И я, новорожденная, выдохнула свои первые после Темноты и Тишины слова:

– Да. Нет. Герцог.

Я смотрела ему прямо в лицо, не мигая, не отворачиваясь, и блеск этих по-зимнему солнечных глаз возвращал мне мир человеческого. Я заново узнавала себя, облаченную в совершенно другого человека.

– Меда Ирма, меня потрясает ваша лаконичность. – Я пробовала одно за другим разные выражения лица, и Герцог тихо посмеивался, глядя на меня: наблюдения за мной его явно развлекали.

– Слова... возвращаются издалека, фион тьернан... – Я катала на языке каждый звук – мне казалось, они имеют запах и объем у меня во рту. – Скажите, зачем я вам, Герцог?

Моя прямота неожиданно позабавила меня саму, и, родившись где-то в глубине тела, пробрался наружу и звякнул смешок. Губы Герцога тронула задумчивая улыбка:

– Вы – мой ученик, Ирма. С первых вздохов того самого ненастья. С того каприза обстоятельств, в которых ваши лошади понесли. Они понесли вас ко мне. Дерейн и Богран оказались в лесу в тот миг для того, чтобы случилось ровно то, что непременно должно было случиться. Вы приняли решение уехать и возвращаться лишь изредка, попить со мной чаю, – и тем самым дали себе возможность затеряться в потайном кармане времени, который – так уж сложилось – нашил на камзол вашей жизни я. И теперь с вас, как с драгоценности чистой воды,

слетает шелуха пустой породы. А шлифовка... Всеу свое время. История же вашего ученичества началась куда раньше. С того дня, когда умерла ваша мать, со дня, когда друг Ферриш был назначен вам в женихи. С той первой страницы в вашем альбоме, когда вас посетил ваш тайный «друг». С того разговора, когда отец описал предстоящую вам жизнь день за днем, год за годом – еще не прожитую, но прочтенную им, как с листа... С того мига, когда вы впервые пожелали сбросить с пюпитра нотную тетрадь, сыграть нечто невообразимо иное. Потому что вам много раз повторяли: вы – женщина, рожденная быть половиной мужчине, рожденная рожать, какое бы воспитание и образование вы ни получили. И какому-нибудь полоумному фиону не оставили даже проклятого права похитить вас – обручение с милым Ферришем отменило и эту возможность. Ни капли безумия. Никакой ереси.

Я слушала историю своей жизни, глядя в черный зев нерастопленного камина. Как сонная июльская вода, я впускала слова Герцога без плеска, без сопротивления. Каждое падало серым блестящим камешком, до самого дна, не рая этой воды, не беря ее.

– Этот замок – самостоятельная и довольно старая вселенная. Гнездо исчезнувших дерри... В свое время вы многое о нем увидите и услышите. Пока же вам нужно знать лишь то, что замок этот – совершенно особая и очень мало кому известная школа. Школа Масти Канатоходцев.

Герцог неожиданно громко и как-то слишком звонко выкрикнул последние слова. И тут же в звездах фейерверка вспыхнула перед глазами картинка: несущиеся по лазурному небу облака, высь, перечеркнутая серебряной струной каната, и на нем – человек в черном трико. Хрупкий хозяин высоты и равновесия. Всегда в одном дыхании от падения. Герцог учит этому?

– Да, фиона, – подтвердил Герцог, и опасная, столь памятная мне мечтательность напигала воздух. – Я учу ходить по лезвию ножа, по виолончельной струне и горячей воде. Я также учу укрощать драконов, дружить с тиграми и ворковать с гарпиями. Я, кроме того, даю рецепты трансмутации свинца в золото, охры в аквамарин и сотворения эликсира непреходящей любви.

С трудом преодолевая немоту, я по слогам выжала из себя вопросы:

– Вы что же – алхимик-чернокнижник? Или содержите бродячий цирк?

В гробовой тишине затактом дважды успело стукнуть сердце, после чего Герцог, вцепившись в подлокотники и откинувшись на спинку кресла, захохотал, и этот смех немедленно заплел и меня в свои тенета. Царственное эхо замковых стен многократно повторило наши причитания и всхлипы – и доложило о нашем веселье другим обитателям дома; вскоре я слышала робкие голоса в дверях:

– Медар Герцог! Герцог, а нам можно?

Мы замерли, уставившись друг на друга, – но лишь для того, чтобы захохотать еще громче.

Задыхаясь и утирая слезы, я, в конце концов, начала успокаиваться – и тут же поняла, что отлив оставил меня на полосе прибой одну: Герцог смотрел на меня теперь почти серьезно. Все еще в пене и соли живого моря смеха, я, шальная и нездешняя, рвано вздохнула и огляделась. Меня окружало с полдюжины не знакомых мне мужчин и женщин – завораживающе разных, юных и взрослых, со взорами дерзкими и застенчивыми, рожденных на севере и юге. Все они были облачены в такие же темно-синие свободные туники, как моя.

– Словно искупались, меда Ирма, верно? А теперь знакомьтесь – ваши собраты по... – и он снова фыркнул от смеха, – бродячему цирку.

Глава 9

Меня разглядывали, оглаживали, оценивали – прямо, не таясь, – и я хмелела от беззащитности, от того, что доверяю этим глазам. Доверяю им с первого взгляда. Молчание плескалось меж нами, бессловесное, безветренное, пока Герцог не насладился им вдоволь:

– Друзья мои, прошу беречь и открываться – фиона нола Ирма, к нашим и своим услугам... Или *меда* Ирма? – Острие взгляда вперилось мне в висок, но испытание уже показалось мне бесцельным. Мы оба это знали.

– Меда, фион герцог. Меда. – Я слышала свой голос, я почти сразу узнавала его.

– Превосходно. – Кружевная манжета Герцога очертила незримую петлю – она заключила в себя эти прекрасные новые лица, эти сияющие очи. – Меда Амана. – (Серые-томные-огромные-влажные.) – Медар Мелн. (Синие-дерзкие-озорные.) – Меда Йамира. (Угольно-черные-бархатные-горячие, ох какие горячие.) – Меда Алис. (Орехово-карие-мягкие, почти детские.) —... Рид, кто это? Как я могла сразу не заметить его! Это же... – Медар Деррис, дорогая Ирма, ваш коварный похититель, прошу хотя бы жаловать, Рид с ней, с любовью.

Герцог не скрывал наслаждения сценой, а я вперилась в эти непроглядные глаза цвета вишни-паданки, а они в ответ прожгли насквозь мои. Деррис!.. Смятенные сумерки, ваймейнский говор, стук копыт, мои слезы, платок – все это вихрем пронеслось между нами, перемешиваясь, напиталось красками и тут же поблекло. И словно тугая, цепкая паутина, соткалась между мной и этим человеком странная, пугающая связь, без имени, без цели. Губы Герцога не шевельнулись, но готова поклясться – я услышала, как он шепчет: «Время настало, Деррис».

– Меда Ирма! – Наваждение развеялось, как странный сон. Распахнулась дверь, и через залу к нам поспешил красавец Дерейн, чтобы еще раз спасти меня. Я едва не бросилась ему навстречу.

– Дерейн, милый Дерейн, здравствуйте! Как я рада видеть вас снова! – И столько приветственной силы влилось в эти слова, что все улыбнулись, и даже Герцог вскинул брови:

– А-а, вот и ваш ангел-хранитель пожаловал. Ну, теперь почти все в сборе. Где же Локира?

– Она в саду, щебечет со своими розами, Герцог. – Голос Дерриса саднил мне слух, как царापина. Но, похоже, только мне.

– Идемте же в сад, меда Ирма, надо завершить церемонию знакомств. Богран в отлучке до вечера, но уже имел честь лицезреть вас мокрой в лесу. – (Фион Эган, я уже успела соскучиться по вашим остроумиям.) – Да, и он, конечно же, уже осведомлен о вашем... хм-м... чудесном вызволении. Все свободны до ужина. Праздничного, разумеется, посему извольте облачиться подобающе.

Глава 10

Сад Герцога околдовывал даже ненастным зимним днем. Нагими плакучими ивами, глухим бархатом туй, сырым ароматом причудливых сизых папоротников и пестрыми мелкими звездами диких астр, вспыхивавших среди буро-зеленых остриёв умершей травы. Влажный гравий хрустел под ногами.

Повинуясь прихотям разбегающихся тропинок, мы пробрались в самое сердце этой сдержанной предсмертной красоты. И вдруг волшебное золотое видение сковало мои шаги: в небрежной штриховке карликовых пихт притаился хрустальный купол зимнего цветника. Он сиял и светился в сырой мгле, как оброненная кем-то драгоценность.

– Герцог, это изумительно!

– О-о, моя дорогая меда, смотрите внимательно. Большого от вас, новорожденной, никто не ожидает. И второе: всякий раз, когда слова готовы сорваться с ваших прелестных губ, задержите их на языке, помедлите вздох-другой, прежде чем расплыть вовне. Кто знает, быть может, их нектар будет намного слаще и полезнее внутри вас, чем снаружи.

И вновь я не нашлась с ответом – и снова была тому рада. Мы вошли в цветник, и запоздалое эхо с новой силой вернуло мне поучение Герцога. Розы. Лилии. И гиацинты. И орхидеи. И Рид знает, какие еще нежнейшие и трепетнейшие его творения наполняли собой эту опрокинутую магическую чашу. Янтарное сияние сотен свечей плескало, выскальзывало сквозь пальцы кипящей зелени.

Смерч ароматов кружил голову. Не я его вдыхала, а вязкий тягучий воздух – меня. Я не заметила, как глаза мои закрылись сами собой: не было сил выдержать натиск такого великолепия. Герцог мягко взял меня под локоть.

– Откройте глаза, меда Ирма. Помните, вы уже не имеете права дезертировать. Идемте, поищем нашу фею цветов.

Осторожно Герцог сделал пару-другую неслышных шагов, раскрывая занавес цветочного буйства. От куста лазоревых роз нам навстречу поднялась маленькая хрупкая женщина неуловимых лет. Тонкие фарфоровые пальцы в крупных темных перстнях скользнули по небесным головкам цветов, слепо нырнули в волны седых прядей, бежавших от выпуклого матового лба к маленьким, будто нарисованным ушам. И вот уже взгляд сияющих изумрудных глаз смыкается с моим.

– Здравствуйте, меда Ирма.

– А вот и наш лесной эльф.

Локира бросает короткий взгляд на Герцога, и в нем – одна только нежная тишина. Мы стоим втроем среди этой невозможной, оглушительной красоты, вдыхаем чистую благодать, и у меня нет слов, которые стоило бы сейчас произнести.

– Ничего и не надо произносить, Ирма. Меда Локира, не забудь прийти к ужину – не усни среди гиацинтов хотя бы сегодня. – Насмешка Герцога впервые на моей памяти вдруг прозвучала как ласка. И он говорил ей «ты».

– Да, медар Герцог. Как вам будет угодно, дорогой медар.

Свирель этого голоса еще звучала у меня в ушах, а мы уже брели стемневшим садом назад, к тяжелым входным дверям.

– На приготовления к ужину у вас четыреста мгновений ока. Это праздник в *вашу* честь, дорогая меда. Поторопитесь же.

Глава 11

Когда я вернулась из сада, в моей комнате уже было натоплено, а на стуле рядом, разогретая танцующим рыжим каминным пламенем, меня ожидала новая темно-синяя туника – но особенная, не такая, как прежде: по ночной синеве разбегались мельчайшие серебряные искры. Чудесный тяжелый атлас изумительно играл в складках, а при движении матово посверкивал. Та же заботливая рука уложила широкими петлями на каминную полку длинный шнурок для волос, а также поместила крошечный флакон с неведомым, но несказанно тонким благовонием.

За дни, проведенные в «покоях», я приучилась отсчитывать время по стуку сердца, когда ему легко, по вдохам и выдохам. Поэтому, закрыв за собой дверь и заскользив по лестнице вниз, я знала, что у меня еще есть с дюжину мгновений в запасе. У зеркала напротив входа в залу я оглядела себя в который раз. Волосы умащены, туго переплетены и собраны в жгут на затылке, наряд облекает любовно, не лениво, лицо румяно, глаза блестят. Что ж, даже без двухслойного батиста и вуалей я достойна присутствовать на праздничном ужине. В мою честь.

– Меда Ирма прелестна нынче вечером, спору нет! – Я едва не подпрыгнула от неожиданности. За моей спиной и сбоку, не отражаясь в зеркале, стоял Деррис.

– Вы напугали меня, фион Деррис, – не оборачиваясь, проговорила я. С испугом и досадой удалось совладать почти сразу. Почти.

Деррис шагнул ко мне и теперь дышал мне в затылок. Я глянула в глаза его отражению.

– Медар Деррис, Ирма. Мы здесь – одна семья. Урок первый сегодняшнего вечера: на острие меж выдохом и вдохом, когда есть только *это*, только *вдруг*, вам будет просто избежать подвоха, не оборачиваясь видеть все вокруг. Улавливаете?

Выбрать подходящий ответ – от сдержанного и прохладного: «Да, медар Деррис, благодарю вас», – до надменно-раздраженного: «Вы не Герцог, чтобы наставлять меня, медар», – я не успела: Деррис метнул в меня еще одно лезвие взгляда и исчез за дверями залы. Мне осталось лишь последовать за ним.

Зала сияла огнями. Немые чопорные кресла ожидали гостей, и лишь Алис и Мелн о чем-то оживленно беседовали, стоя у камина. Краткий миг и... О нет, медар Деррис, дудки! Я заметила его краем глаза – он стоял за створкой двери и молниеносно выбросил вперед руку:

– Позвольте проводить вас, Ирма?

К моему злорадному удовлетворению, Деррис тут же заметил, что на сей раз трюк не удался – я предупредила собственную оторопь и, закусив губу, чтобы не выдать детского торжества, присела в жеманном книксене:

– Разумеется, медар Деррис, благодарю вас за неожиданную любезность.

Я видела, что слово «неожиданную» вернуло Деррису его же копьё, брошенное мгновенье назад: глаза его сузились, не дав мне оценить полноту моего реванша.

Я лишь вложила свою ладонь в его, и мы приблизились к паре у камина.

Где-то в глубине замка пробасил гонг, и словно на гребне этой бархатной ноты в гостиную вплыли, шумя и смеясь, остальные ученики. Сияя и переливаясь серебром и ночной синью, вся компания была чудо как хороша в сиянии свечей. Все гомонили, как лесные птицы, и каждый стремился подойти ко мне поближе, и каждый толкал перед собой незримое открытое сердце. Еще сегодня утром мы не были знакомы, а сейчас над нами уже сияло общее ночное солнце. Я с восторгом рассматривала моих новых друзей. Ни в одной из дам не было ни грана чопорности; правила хорошего тона, которым я когда-то следовала чуть ли не во сне, здесь заменили на какую-то немислимо радостную свободную ребячливость. Мужчины позволяли себе класть руки на плечи дамам и даже гладить их по волосам – ничуть не оскорбительно, а скорее наоборот, тепло и просто, как обращаются с... любимыми женами! Я озадачилась

разобраться, кто кому пара, но скоро отказалась от этой мысли: все были равно милы со всеми и (Рид милосердный!) обоюдно фамильярны!

– Привыкайте, меда Ирма. – Над моей головой зазвенел мальчишеский голос Мелна.

– Да, дорогая, стоит изменить пару-другую светских договоренностей, как голова начинает чувствовать себя лишней. – Алис положила мне руку на одно плечо, почти тут же на второе опустил ладонь Дерейна. Нет, не поспела я еще привыкнуть к такой стремительности родства, но детская растерянность моя развеселила всех, а Алис и Дерейн, резвясь совсем в открытую, нарочно придвинулись еще ближе.

– Фион герцог Коннер Эган! – Голос дворецкого перекрыл наш гомон, и все взгляды обратились ко входу в залу.

В темной раме дверей сияла и переливалась иссиня-черная тень. Вот она вплыла в зал, и блеск свечей разбрызгал фейерверк золотых искр, сыпавшихся при каждом движении его маэля¹². Одевание Герцога только этим и отличалось от нашего – как золото от серебра. У высокого резного кресла во главе стола Герцог замер и обнажил голову.

– Обретение ученика есть исполнение назначения Мастера. – Слова падали по одному и, казалось, разлетались на мириады стеклянных брызг. – Меда Ирма, дочь Трора, ваше место здесь. – Герцог указал мне на пятое по счету кресло справа от себя.

Я словно примерзла к полу. Мысли беззвучно рассыпались и раскатились по углам, я позабыла дышать, а воздух наполнился пронзительным горячим звоном. Герцог не отрываясь смотрел мне в глаза. Но вот чья-то рука тихонько подтолкнула меня в спину.

– Иди же! – Переливчатый шепот сделал за меня вдох и выдох. Не чуя под собой ног, я сделала пару шагов к пятому креслу, с оглушительным скрежетом отодвинула его, упала между подлокотников, и безмолвное внимание обступивших стол знакомых незнакомцев затянуло меня водоворотом.

– Последние слова вслух сказаны.

Один краткий жест Герцога – и все ученики тихо заняли свои места за столом. Пять женщин справа от Герцога и четверо мужчин – слева. Слуги подступили в молчании и принялись наполнять тарелки снедью. Все приступили к ужину – без всякой спешки, обмениваясь лишь улыбками, взглядами и короткими жестами.

Что тут вообще происходит? Над праздничной трапезой висела почти храмовая тишина: постукивало столовое серебро, звякали бокалы да шелестели рукава. Я растерянно озиралась, и кусок не то что не лез мне в горло – я не могла даже взять в руки вилку! Остальные же, напротив, самозабвенно вкушали, наслаждаясь яствами и обществом друг друга.

С неслышным шелестом сыпался песок в часах на камине – и ничто, кроме его бормотания, не нарушало той живой шевелящейся тишины. Мне становилось все более не по себе, но мои соседи по столу, похоже, не обращали на мое беспокойство никакого внимания. Фраза Герцога о «последних словах вслух» запечатала мне уста, но когда не стало сил терпеть, я отважилась тихонько подергать за рукав сидевшую рядом со мной Йамиру:

– Меда Йамира, что происходит?

Я задала этот вопрос едва слышным шепотом, но показалось, будто прокричала его в часовне в разгар службы. Все немедленно замерли и уставились на меня. Все мои мысли, как рыбы в первую ледяную ночь, вмерзли в окостеневшую воду обратившихся на меня взоров, и в этой неподвижности я услышала мягкий, но внятный голос Герцога: *«Другого легче всего услышать в тишине. Мы разговариваем молча. Пробуйте».*

¹² Маэль (*дерр.*) – свободное прямое мужское платье до пола, с широким свободным капюшоном; его складки образуют широкий ворот– «хомут», когда капюшон не наброшен на голову; облачение распорядителей цирковых и театральных зрелищ у дерри.

Я непонимающе перевела взгляд на медара Эгана. Не прерывая трапезы, он смотрел мне прямо в глаза. И я снова услышала... вернее – увидела картинку, нарисованную его голосом: ребенок, девочка, в которой я с изумлением узнала себя, стоит среди поля по грудь в траве, прикрыв глаза, и сосредоточенно ловит звоны кузнечиков. За картинкой последовали слова: «Как – не существенно. Просто попробуйте». У меня не получится! Я не верю... «Ваше неверие значения не имеет. Достаточно того, что в вас верю я», – прозвучало в ответ.

Я попыталась разрешить себе на время сойти с ума и допустить хотя бы в фантазии своей, что могу слышать чужие мысли. Заглушить недоверчивое хмыканье рассудка мне вдруг помогли приглушенные, неясные голоса: словно ко мне навстречу через густой лес шла дружеская компания, пытаясь меня разглядеть за деревьями, окликаая, призывая. Как масло и вода, мир расслоился на видимое и неслышимое. Бессловесные губы, неподвижные взгляды, полусонные стены, серебро и хрусталь. А за деревьями – небо, в листве – птицы, и они говорят. Со мной. Что. Они. Говорят? «Пустое, Ирма, пустое. Поешь, просто поешь».

Я молниеносно поворачиваюсь на этот голос. Это звон над голосами ищущих меня. Это птица над моей головой. Локира улыбается, размыкает губы, вдыхает и выдыхает – «Ир-ма». – «Я слышу!» И меж стволов появляются они, выпархивают на прогалину, бегут ко мне, размахивая руками: «Умница!» – «Нашлась!» – «С нами!»

Мне показалось, что сердце сейчас разорвет мне грудь. Я думала взалхлеб, рассыпая веером слова вокруг себя, раздавая их всем вокруг: «Благодарю вас... Это невероятно... Как чудесно... Так просто!..» Было сладко и хмельно, как никогда не пьянило вино. Я все смелее говорила им – всем разом и каждому по очереди – какие-то милые глупости, и они охотно откликались, беззвучно смеясь, подбадривая и направляя мое хрупкое несмелое внимание. Я пригубливала их внутренние голоса, упивалась ими, играла с ними в прятки.

Пир продолжался. И не странно уже было не слышать заздравных речей и звона сдвигаемых кубков: любой мог обратиться ко всем сразу, лишь стоило этого пожелать.

Мы просто *были* вместе – все и разом, и каждый с каждым в отдельности, и не достанет мне слов описать эту совместность. Герцог острил в своей непередаваемо насмешливой манере, и его шутки более не ранили меня – я наслаждалась ими, как редким терпким вином. Мужчины балагурили наперебой, веселя дам, а те не прятали широких улыбок за платками, то и дело вскипали шумным смехом, размахивали руками, нимало не заботясь о светскости манер, о правилах хорошего тона, которыми я все еще, по старой памяти, давилась, как сухими хлебными крошками.

На сладкое подали роскошный ванильный шербет, и тут, к моему невольному ужасу, началось нечто совсем уж невообразимое: Мелн зачерпнул полную ложку этого десерта и *протянул ее через весь стол* Йамире, а та, прикрыв глаза и совершенно непристойно улыбаясь, приняла подношение пухлыми губами.

Ошалела я, видимо, настолько картинно, что вызвала у всех неопикуемый восторг. Разумеется, меня тут же удостоили той же чести. Но из чьих рук, подумать только, Рид Милосердный, – Дерриса! Чего мне стоило сохранить хладнокровие, соблюсти лицо, открывая рот навстречу неизбежному, не стану рассказывать, но попытка невзначай вымазать мне щеки и капнуть на платье была мною виртуозно пресечена – к немалой потехе присутствующих.

Когда убрали последние тарелки, Герцог поднялся из-за стола и все в той же оживленной тишине сделал знак Бограну и Амане. Те удалились в дальний угол залы и немного погодя вернулись, неся необычайных размеров шарну¹³ и какой-то неведомый инструмент, напоминавший удлиненную арфу. «*Это дизирисса¹⁴, драгоценная меда Ирма*», – просвистел голос

¹³ Шарна – ударный инструмент наподобие бубна.

¹⁴ Дизирисса – старинный деррийский струнный инструмент.

Дерейна. «*Благодарю вас, мой друг, да простится мне моя непросвещенность*», – слетел мой застенчивый ответ. «*Обойдемся без формальностей*», – вернулся его вздох.

Слуги поставили музыкантам высокие стулья. Богран пристроил шарну на колене, Амана уселась боком к нам, оперев дизириессу в пол. Глаза у обоих закрылись, и над ними словно возник купол тишины настолько глубокой, что все звуки и мысли, витавшие еще вздох назад в янтарном трепете свечей, завихрились воронкой, влились в эту перевернутую чашу – и растворились в ней без остатка. Все мы, без мига слушатели, разом *прекратили думать*.

...И расцветает музыка. Это пальцы Бограна на тугой коже шарны рисуют узоры, это Амана ласкает тетиву дизириессы. Это руки беседуют. Это вдохи чередуются неровно, наплывающая друг на друга. Это влага ладоней умягчает удары и скольжения. Это впускают в себя вечный нездешний свет, вечный здешний воздух глиняные свирели – Богран, Амана. И я иду за пастухами, что играют на глиняных этих свирелях, – это Богран, это Амана. Они ведут меня высоким лугом, по грудь в мятной траве, и солнце стоит в зените, и лоб Аманы сверкает от пота, и балахон Бограна на груди темнеет от жара, и вдруг холодает, и травы сходят отливом, и обнажается базальт, и шаги гремят по мрачнейшему камню, и налетает ветер, а небеса буреют, и тужатся громом, страшат, и вот уже первые капли ледяного дождя обжигают мне лицо, и мы уже на вершине, и угроза в этих бритвенных иззубренных валунах, и заходится смертным кашлем шторм, а две маленькие пастушки фигурки, две пылинки в глазах бури, сидят на самом краю, над пропастью, и, кровя пальцами, продолжают заговаривать, заговаривать. Меня. Нас всех. Всю слышащую вселенную.

Но вот погасли грозные сполохи, осыпалось наваждение, но все еще как сквозь толщу воды вижу я размыто, неотчетливо хрупкие все еще дрожащие плечи Аманы, ее замершие руки, и Бограна, словно истончившегося и помолодевшего вдвое, и шарну, с глухим стуком приставленную к стулу. И чашу тишины, наполненную до самых краев...

Далеко за полночь я вернулась к себе, без сил, без мыслей, без вчера и завтра. Речение Шесть – «О непристойности несдержного смеха и увеселений» – не успело и парой слов коснуться моего ума, а я захлебнулась. Распахнутая книга беззвучно соскользнула на пол.

Глава 12

Из недр сна меня выволокли насильно: чьи-то руки настойчиво, хоть и бережно, трясли меня за плечи. Раскрыв глаза, я в младенческом ужасе увидела над собой огромное бесформенное черное облако – темнее, чем сама тьма вокруг. Невольно вскрикнула – но знакомый голос тут же зашептал, успокаивая:

– Это я, Йамира, меда Ирма, не пугайтесь!

Буря неприбранных смоляных волос Йамиры, грозовое облако, принесла с собой бодрящий запах ночного дождя. Я приподнялась на подушке:

– Что случилось?

– Пора вставать на Рассветную Песнь. Ни о чем не спрашивайте – просто одевайтесь и идите за мной. Все увидите сами.

Все еще шатко держась за царапающий край сна, я выбралась из теплой постели. Камин уснул, похоже, вместе со мной, теперь в комнате было зябко, и я, поеживаясь, облачилась в свою тунику и, приветствуя плечами и бедрами каждый угол, спотыкаясь, выбралась за Йамирой в коридор.

По неосвещенным переходам гулял зябкий сквозняк. Редкие факелы чадили и потрескивали, и, казалось, весь замок с сонным недоумением провожает нас провалами черных зеркал. Мне было не по себе – вчерашняя музыкальная мистерия, не единожды преломленная во сне, все еще кружила голову.

Миновав полдюжины незнакомых коридоров и винтовых лестниц, мы оказались перед очень узкими высокими дверями. Возле них клубились еще две тени – Мелн и Богран. Завидев нас, они дружно улыбнулись и, не сказав ни слова, проскользнули в приотворенные таинственные двери.

– Разувайтесь и проходите, меда Ирма. – Следуя путеводному шепоту моей провожатой, я поспешно сбросила сандалии и вошла в залу.

Каменный пол леденил босые стопы. Скучный свет от пары коротких факелов принял меня в свои зажатые длани, и я не смогла разглядеть ничего, кроме первых в угадываемой долгой шеренге колонн, задрапированных ночной тьмой до полной незримости.

В сизых тенях здесь и там угадывались фигуры моих соучеников. Каждый был словно сам по себе: никто не оборачивался, не приветствовал вновь прибывших, все лишь пребывали в покое и молчании. Мгновенно втянутая в этот заговор уединения, я просто села чуть в стороне, подоткнув под себя подол одеяния. Алмазную эту тишину царапала только сонная возня голубей где-то в смутной высоте сводчатого потолка. Воздух был напитан спокойным, несуетным ожиданием.

Я едва уловила, как чей-то еле слышный женский голос запел. К призрачному соло по одному стали присоединяться знакомые голоса. Я впитывала музыку горько-сладких слов – пели на дерри. Улавливала смысл урывками и могла лишь мягко раскачиваться в такт – но вскоре уже робко подпевала, прикрыв глаза, не разжимая губ, вплетаясь всею собой в тонкую, словно капризная струйка дыма от засыпающей свечи, мелодию. «Вот она, крошечная кислая вишневая ягода – это значит, облетел последний восковой лепесток цветка...» – шелестел где-то в паре шагов от меня голосок Алис. «Вот она, утренняя дрожь влажных ресниц – это значит, разорвана последняя пестрая прядь сна», – вторил ясным высоким нотам Локиры хриловатый баритон Бограна. Мы пели, всякий раз прощаясь и приветствуя каждой строкой, и воздух над нами неумолимо наполнялся жемчужно-серым рассветным перламутром. Я распахнула глаза – и в один миг увидела все вокруг.

Тонкие многогранные колонны растворялись в полукруглых сводах белоснежной мраморной часовни. Там, где в храме положено быть алтарю, всю стену от пола до потолка занимал

огромный витраж. Сюжет в рассветных сумерках было все еще толком не разглядеть, но и того, что мог показать утренний полусвет, завораживало сердце. «Вот оно, золотое полотно горизонта – это значит, угасла последняя ночная звезда», – звенящий голос Йамиры, повторенный бьющимся эхом, словно раздул тлеющие угли рассвета.

И – ослепление. Шлейф алмазных искр взметнулся от основания витража вместе с первым алым мазком восходящего солнца. Я узнала его – и поняла, как сильно стосковалась: прямо перед нами высилось исполинское изображение Рида, и с каждым мгновением оно напитывалось зарей новорожденного дня. Созданный из тысяч разноцветных прозрачных витражных пластин руками совершенного гения, Всемогущий шел к нам, распахнув объятия, и страсть этого приглашения подчиняла без остатка. Заново увиденный Бог Обнимающий пугал меня сильнее привычного с детства Бога Судящего, и от этого прозрения у меня кругом пошла голова. Вдруг мучительно, до дрожи, возжелалось заглянуть этому Риду в глаза. Чтобы увидеть, понять наконец, что может рождать такой ужас и такое притяжение. А солнце неуклонно восходило, воспламеняя витраж все новыми красками. Вспыхивали один за другим лазурно-синий, изумрудно-зеленый, чайно-желтый, лилейно-лиловый – вышивая, раздувая ветром, подсвечивая каждую складку плаща, каждую ленту в одеянии Рида. Пестрые блики играли на лицах моих новых друзей, и я в который уже раз впервые разглядывала их черты – безупречные, богоподобные.

И вот уже вся часовня до самых сводов расцвела яростью красок, и все мы покоились на ее дне, словно в шкатулке с драгоценностями. И вот уж солнце поцеловало потолок, и распахнулись двери за нами, и по мраморным плитам растекся утренний ветер, и, по щиколотку в нем, к нам прошел Герцог. И оглушительный аквамарин брызнул с высоты: солнечный свет пронзил лик Всемогущего, его очи. До рези в глазах я вглядывалась в эту морскую синь – и никак не могла найти слов, чтобы дать имя этой плавающей силе, этому восторгу родства...

Герцог, крошечный и хрупкий, стоял, раскинув руки, запрокинув голову, словно тоже пытался заглянуть Риду в глаза. Как ребенок, как брат, как возлюбленный. И вслед за ним поднялись остальные – и раскрыли Риду объятия.

Глава 13

Рассветная Песнь завершилась, но никто не торопился уходить. Не было Святых Братьев, некому целовать руки после службы, не было Священного Круга, который предписывалось обойти, прежде чем покинешь храм. И, конечно, никакой угрюмой суровости. Кто-то вполголоса разговаривал и посмеивался там и сям, разбредясь по часовне, кто-то остался сидеть на полу один, кто-то лежал на спине и безмятежно глазел в потолок. Как будто в саду или в салоне, а не в Храме Рида! Все вели себя так, будто я жила здесь с ними всегда, будто не впервые вкусила этого странного таинства. Лишь Герцог подошел и стоял предо мной, одаряя своей всегдашней *неслучайной* улыбкой.

– Герцог, дозволено ли мне будет остаться здесь еще немного? Рядом с... этим Ридом?

– Вы же никого не спрашивали, когда появились на свет, моя меда Ирма? Это примерно то же самое. Ваш Священный Круг – тут. – Герцог чиркнул указательным пальцем мне по тунике чуть ниже ключиц. – И потом, не далее как вчера вам прекрасно удалось слушать и слышать. Посему на многое вы получите ответы, даже не задавая вопросов вслух. Смотрите внимательно, и многие тайны поспешат вам открыться. – С этими словами Герцог покинул часовню, коротко кивнув ученикам.

Отлетало волшебство Рассветной Песни, невесомое, прозрачное. Я понятия не имела об укладе жизни в этом месте, не представляла себе течения дня в замке. Одним словом, даже мой следующий удар сердца таил в себе загадку.

Дерейн, услышав мысленную возню у меня в голове, поманил меня, и я с радостью подбежала к нему. – Вижу, вы бурлите вопросами, меда Ирма, – начал было мой дорогой спаситель, но тут в разговор ввинтилась хрипотца Дерриса:

– Особенно вопрос-сом о з-завтраке, не так ли, меда Новенькая?

– Нет, фион Деррис, снесь наша денная не есть единственное, вокруг чего вращается мой скудный фернский ум. – Рид Милосердный, никогда не приходилось мне говорить мужчинам подобных дерзостей. Как вести себя с этим неумным ваймейном? Особенно неприятно, что он прав: как раз о том, когда в замке принято завтракать, я и собиралась спросить Дерейна.

– Нехорошо обманывать старших. Вас разве этому не научили благовоспитанные кухни? – Зрачки Дерриса, казалось, сузились до змеиных.

– Откуда вам знать, что я лгу?

Оставшиеся в часовне ученики, не вмешиваясь, с любопытством прислушивались к нашему обмену колкостями. Гремучая смесь гнева, смущения и неловкости затапливала меня горячей багровой волной, но к ней примешивался и еще один, самый отвратительный ингредиент – страх.

– Откуда мне знать? Не вас ли вчера мы весь вечер *слушали*? Не ваш ли бессловесный лепет смаковали? – Деррис цедил слова по одному, отвечивал их, как пощечины. – Меда Ирма, разрешите напомнить вам, что здесь *слышно* многие гораздо более затейливые соображения. Особенно если они готовы сорваться с уст. А ваша очаровательная, но, увы, далекая от великомудрости голова читается, как раскрытая книга, уж простите за прямоту. И вторая по счету за последние двенадцать часов настоятельная просьба: здесь я для вас *медар*, а не *фион*. Нетрудно усвоить, нет?

Вперившись в полной немоте в лицо передо мной, я не слышала ничего, кроме клекота крови в ушах. Негодовала ли я? О нет. Я была в бешенстве! Но Деррис занес копые еще раз:

– О, вы решили окончательно отказаться от устной речи, как я погляжу? Похвальный шаг, но для *вас*, боюсь, преждевременный. – Деррис счел нотацию завершенной, развернулся и покинул часовню.

Не помню, как осела на пол. Меня отчитывали и воспитывали при новых полужнакомых людях. В храме. Не дали возможности ответить. Меня унизили. Меня выставили на посмешище. Злое бессилие. Бессильная злость.

Я зарыдала, размазывая по щекам едкие колючие слезы, меня били озноб и икота, а вокруг стояла полнейшая тишина. Никто из оставшихся не двигался и не заговаривал со мной, и я лишь слышала собственные судорожные всхлипы.

Вдруг я ощутила чью-то прохладную легкую ладонь на своем плече. Захотелось оттолкнуть эту руку, просто пойти ко дну, как давший течь корабль. Но лаковый этот голос колокольчиком спел мне «*Айю*¹⁵, *Ирма*», – и от неожиданности я вскинула голову и встретила глазами с Локирой. В ее взгляде не было ни капли жалости, а лишь любовное озорство. «*Ты замечательно плачешь*».

Я поглядела на стоявших поодаль учеников. Амана и Алис улыбались и кивали, а от Дерейна я, прислушавшись, уловила тихое ободрение: «*Так надо. Все хорошо*». Мелн лежал на полу и, казалось, дремал, с совершенно блаженным лицом, а тут вдруг подал голос:

– Завтрак через полторы тысячи мгновений. У вас есть время умыться и привеси себя в порядок. Все не сговариваясь покинули часовню. И словно закончилась эта небольшая Глава.

¹⁵ Айю (дерр.) – «диво», возглас, которым публика поддерживает понравившегося артиста или выступление.

Глава 14

Честно говоря, я не дошла до знакомой двери в башне.

Рассматривая свое заплаканное, припухшее лицо в посветлевших утренних зеркалах, я брела, внезапно потерявшись, без всякой цели. Не то чтобы наша пикировка с Деррисом никак не шла у меня из головы... Скорее, происшествия сегодняшнего утра повергли меня в странную задумчивость. Здесь, как всюду прежде, меня окружали, судя по обращению, стати и чертам, люди благородных манер, высокого происхождения. И, как мне всегда казалось, я вроде бы должна легко, не задумываясь, находить слова и жесты, подобающие обществу и обстановке. Каноны поведения вписаны были в самое существо мое. Но нет: аксиомы не действительны, законы отменены, правила оспорены. Я вновь – дитя несмышленное, и все, что выучено и затвержено за годы детства и юности, имеет здесь ту же ценность, что шелковое платье со шлейфом при верховой лисьей охоте.

Меньше всего на свете мне бы сейчас хотелось спрашивать у обитателей замка о здешних правилах хорошего тона: «Скажите, как тут у вас принято парировать чтение тайных мыслей?» – или: «Что тут принято делать между полдником и вечерней молитвой – и вообще, вы вечером как молитесь, в саду или на башне? Танцуете или играете на барабанах? А слуг у вас призывают силой мысли, или мне положен серебряный колоколец?» Герцог недвусмысленно дал мне понять, что единственный способ разобраться – «смотреть внимательно». Оставалось лишь уповать на Рида.

В таких вот сумбурных чувствах меня вынесло на небольшую открытую галерею довольно высоко над землей. Отсюда открывался вид на южную замковую стену. Резной парапет ловко пришелся мне под локти, и я, не задумываясь, оперлась на него и рассеянно загляделась на расстилавшийся передо мной пейзаж.

С этой стороны к замку почти вплотную подступал ольшаник, прозрачный в эту зимнюю пору. Ясный утренний воздух был неподвижен, а лес – хрустально тих. Мягкий двугорбый холм впереди теснил к замковым стенам узкую речку, сильно петлявшую меж валунов. Дымки над водой в этот час уже не было, но вода казалась явственно теплее воздуха. Смешливая болтовня реки унесла с собой окутавший меня сумрак, мне стало светло и бездумно. И тут к говору воды примешались знакомые голоса.

Из-за стены мне еще не было видно, но до меня долетел женский смех и басовые ноты мужской речи. И вот уж среди серебристых стволов замелькали знакомые синие одеяния. Лиц не разглядеть, но грива Йамиры, фарфоровый стан малютки Алис и могучие плечи Мелна я узнала сразу. Кто же четвертый?

Дерейн? Но нет, увы. Сегодня я, похоже, обречена лицезреть клятый образ всюду: прыгая по камням и размахивая руками, компанию дополнял Деррис. Вы велели мне «просто смотреть», медар Герцог? Что ж, быть посему: стану, незримая, наблюдать.

Четверо, болтая и смеясь – ох, не надо мной ли? – подошли к крошечной песчаной отмели. Мелн через голову стащил с себя тунику, обнажив литой юный торс, и остался в коротких свободных портах. Я засмузилась, хоть глаз и не отвела: не каждый день мне выдавалось подглядывать за полуодетыми не слишком знакомыми мужчинами. Хорошо сложенными к тому же. В подглядывании, как меня учили в детстве, всегда полпуда непристойности, но я была уверена, что меня никто не видит. Дамы о чем-то оживленно беседовали, не обращая ни малейшего внимания на забавы мужчин. Меж тем Деррис последовал примеру Мелна, заголившись до пояса, спустился к самой воде, поплескал ладонью. Йамира небрежно махнула рукой и залиvisto расхохоталась. После чего небрежно запустила руку под свою буйную гриву, коротко повозилась с воротом платья, и... оно, словно ширма кукольника, *рухнуло к ее ногам!*

Я невольно закрыла глаза рукой. Рид, мне же померещилось, правда? – с этой мыслью я осторожно взглянула вниз. Образ еретического Рида на садовом гравии в тот памятный, далекий, как звезды, день начертился в звонком, колокольном воздухе: Йамира, нагая, как январская яблоня, с визгом вспарывала воду в голубой прозрачной до самого дна заводи, а рядом с ней бил руками и поднимал каскады сияющих брызг обнаженный Мелн.

Как я ни силилась, собрать всю картинку воедино не получалось: нагой Всесильный царил безгранично, ослепляя, обезмысливая. Вот Алис, ежась и переминаясь с ноги на ногу, пробует пальцами ноги колкий бурлящий поток – и серебристая рыбка ее *тоже совершенно нагого* тела, заласканная пологим утренним светом вся трепетала от предвкушения ледяной воды.

А вот Деррис... Рид невысказанный, прости мне мое недостойное, мое преступное глазение, но какой красавец! Безупречное совершенство яростной юности этого тела вписано было в лазурь неба, в замороженность леса, в прозелень старых камней над водой. И обращенная к мутноватому осеннему солнцу грудь, раскинутые над кипящей водой руки дышали силой и королевской властью над собой. Чары этого видения развеяли Йамира с Мелном – фонтан ледяных брызг окатил Дерриса с ног до головы, и он с тигриным рыком ринулся в воду как раз между ними. Все смешалось в шумной потасовке, замелькали руки, ноги, спины, сырые плечи волос. Я вдруг поняла, что совершенно по-детски счастлива – даже просто подсматривая за ними. А если бы мне к ним... Нет, ну это уже ни в сахарницу, ни в сухарницу. Рид, Рид, где мне спрятаться в этом замке от всех этих обезглавливающих неожиданностей? Как мне разрешить себе видеть то, что я *вижу*, слышу каждое мгновение в этом заколдованном месте? Пожелать я себе могла бы лишь одного – не обретения ответов, а отсутствия способности задавать вопросы.

Глава 15

К завтраку я опоздала – и меня это нисколько не спеленало неловкостью, как ни странно. Я вошла в залу, когда трапеза была в самом разгаре, но никто не обратил внимания на запоздалость моего появления; при том, что я неуклюже и с грохотом отодвинула кресло и чуть не сбила доверху налитый молочник. Я замерла, уныло ожидая шпильки от Дерриса, но он даже не повернул головы – беседовал с Локирой о прелестях фруктов со сливками.

Облегченно вздохнув, я принялась за чай. Меня вдруг озарило: иногда чем меньше извиняешься, тем проще окружающим извинять твои оплошности. Или даже вообще не замечать их. Герцог, драгоценный, не замечайте и вы меня подольше, пожалуйста, ну что вам стоит?

– Делаете успехи, меда Ирма! – Моя последняя мысль была крайне опрометчивой. – Да-да, и незачем таиться. И бояться тоже незачем.

«Сейчас главное – ни о чем не думать, ни о чем не думать», – заметалось у меня в голове, и я уцепилась за эту мысль изо всех сил. И тут же мне в затылок прилетело недовольное Деррисово брюзжание:

– Ох, Ирма, ну послушайте сами себя – мне даже вслух не перекричать это ваше «ни о чем не думать».

– Довольно, Деррис, вы превышаете полномочия. – Герцог нисколько не повысил голоса, но Деррис немедленно и прямо-таки *ощутимо* унялся. – Как вы себя чувствуете, меда Ирма?

Смолистый покой и безмятежность Герцога, будто невидимые внимательные пальцы, послабили какую-то потайную шнуровку у меня на груди, и я, вдруг исполнившись игривой радости, готова была забраться к нему на колени, как в детстве к отцу. Сердитая опасливость, кою неизбежно сообщало мне присутствие Дерриса рядом, убралась и притаилась до поры где-то там, за дверями залы, и, осмелев, я поделилась с медаром Эганом своим восторгом от Рассветной Песни. А то, что происходило сразу после, я постаралась целиком выкинуть из головы.

– Похвально, похвально. У вас все получается, как я посмотрю, меда Ирма. – Вот этого, простого и лаконичного ободрения мне так здесь не хватало, но я рано обрадовалась. – Однако мне бы хотелось подробнее обсудить вашу последнюю великосветскую беседу с медаром Деррисом, а также выводы, которые вы сделали из созерцания маленькой водяной феерии полчаса назад.

Я оторвала от лица льняную салфетку: казалось, она того или гляди затлеет, так горели у меня щеки. Никогда еще столь сосредоточенно я не созерцала узор на столовом фарфоре.

– Да, фион Герцог, разумеется, фион Герцог... Извините, фион Герцог.

Последняя моя фраза утонула во всеобщем веселье. «Они здесь неприятно много хохочут», – подумалось мне, и всем немедля стало еще смешнее.

– Меда Ирма... – Мелн едва мог говорить сквозь смех. – Ваше присутствие... ха-ха-ха... ваше присутствие – неоценимый подарок в этом скучнейшем из замков!..

– Не обращайтесь на них внимания, сокровище... Это все – совершенно любя!.. – вторила Мелну белозубая Йамира.

– Избыточный смех во время трапезы вредит пищеварению. – Слова Герцога немедленно утихомирили учеников, но лесной пожар их веселья все еще потрескивал сучьями – все продолжали хихикать исподтишка. – Не смущайтесь и не сердитесь на них, милая Ирма... Терпение, фионы, – и кое-кто из вас, весельчаков, еще отведаст ее перца, помяните мое слово. – Медар Эган обвел стол лукавым взглядом. На ком он дольше задержался, не возьмусь сказать, но, кажется, я все-таки успела заметить.

Когда все поднялись из-за стола, я попыталась улизнуть потихоньку вместе с дамами, но то была наивная неумелая попытка увернуться от неизбежного. Герцог позволил мне дойти до самых дверей – и совершенно спокойно окликнул меня:

– Вы обещали мне разговор, меда Ирма. – Я замерла как вкопанная. – Только не повторяйте сейчас вашего «извините, фион Герцог», договорились?

– Да, фион Герцог...

За моей спиной закрылась дверь, но я все-таки расслышала, как прыснул этот негодяй Деррис.

Глава 16

– Расскажите же мне, меда Ирма, что такого случилось с вами, пока Деррис... э-э... выказывал вам знаки внимания нынче утром в часовне?

Ну вот, опять я смущаюсь и робею перед этим человеком. Это нашу гадкую перепалку с ваймейном он изволит именовать «знаками внимания»? Что, Рид Великий, он имеет в виду?

– Прошу простить меня, фион Герцог, быть может, вы неверно осведомлены, но Деррис весьма огорчил меня, оскорбив незаслуженно.

– Нет-нет, я не сомневаюсь в достоверности того, что услышал о сегодняшнем утре. Позвольте заметить вам, драгоценная фиона, что это *вы* неверно осведомлены о произошедшем.

Последняя фраза окончательно загнала меня в тупик. Я воззрилась на герцога, ожидая дальнейших объяснений.

– Предлагаю вам взглянуть на случившееся с другой галереи. Вообразите, если бы Деррис произнес свою тираду не на фернском, а на родном ваймейнском. Каково бы вам было?

Я послушно представила себе подобный разговор и ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.